

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Теоретические и практические аспекты участия сторон в судебных прениях»

Студент

В.А. Домникова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, В.А. Лазарева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические основы судебных прений в уголовном процессе.....	9
1.1 Прения сторон как часть судебного разбирательства	9
1.2 Участники, предмет и значение судебных прений.....	16
Глава 2 Содержание судебных прений	34
2.1 Обвинительная речь: понятие, содержание, значение. Особенности речи государственного обвинителя при отказе от обвинения.....	34
2.2 Речь защитника. Виды защитительных речей.....	45
2.3 Речи иных участников уголовного судопроизводства.....	56
Глава 3 Особенности прений сторон в отдельных судебных производствах.	61
3.1 Особенности выступления сторон в суде с участием присяжных.....	61
заседателей.....	61
3.2 Особенности прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних.....	68
Заключение	75
Список используемой литературы и используемых источников.....	78

Введение

Актуальность выбранной мною темы магистерской диссертации «Теоретические и практические аспекты участия сторон в судебных прениях» обусловлена тем, что прения практически завершают судебное разбирательство. Это резюмированная часть всего судебного следствия. После прений следуют реплики сторон, последнее слово подсудимого и суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора. Законодатель наделил сторону обвинения и сторону защиты правом на стадии прений высказать суду свои мнения в части применения уголовного закона, назначения подсудимому наказания, об исходе дела, его доказательствах и степени виновности подсудимого.

Таким образом, прения сторон – это, по сути, последняя возможность высказать свою позицию по делу. Отсутствие прений означало бы несоблюдение судом принципа состязательности сторон для вынесения приговора или постановления. Данная правовая особенность, как представляется, имеет неоднозначное правовое регулирование и как следствие неравноправно учитывается судом при принятии решения по делу. Как пишет С. А. Пашин о прениях «именно здесь достигает кульминации столкновение процессуальных интересов, противоборствующих сил, через которое только и мыслимо движение к истине».

Определенной спецификой прения обладают в судах присяжных заседателей, распространенных на всей территории России с 2003 года. Здесь прения – это не только возможность сторон высказать свое аргументированное мнение относительно доказанности или недоказанности виновности подсудимого, но и способ воздействия на присяжных заседателей для формирования у них позиции по уголовному делу. Для присяжных прения – это серьезное подспорье в установлении истинности или ложности тех или иных фактов, определении их ценности и доказательственного значения.

Однако, несмотря на очевидную важность судебных прений, законодатель уделил данной части судебного разбирательства не достаточно внимания.

Степень разработанности темы. Проблемы, вытекающие из разных аспектов института судебных прений, являлись предметом рассмотрения многих авторов советского и постсоветского периодов. В частности, весомый вклад в развитие рассматриваемого института в 1957 году внес И.Д. Перлов своим трудом «Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе». В 70-ые и 80-ые г. было защищено несколько диссертаций: В.М. Ковалев «Судебные прения в советском уголовном процессе», А. А. Данилевич «Основы теории и профессиональной культуры судебных прений»; С.А. Пашин «Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу». В настоящее время интерес к институту судебных прений не ослабевает. Среди последних работ можно отметить учебное пособие В.А. Лазаревой, Л.А. Шестаковой «Судебная речь по уголовному делу», опубликованное в 2018 году.

Таким образом, тема настоящей диссертации в достаточной степени является разработанной, учитывая проявленный к ней интерес со стороны научного сообщества.

Объектом исследования является правовое регулирование института судебных прений.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие вопросы содержания и порядка проведения прений сторон, практика их применения и научные исследования в данной области.

Цель работы состоит в изучении особенностей института судебных прений по российскому уголовно-процессуальному праву.

Достижение поставленных целей обусловило постановку и решение следующих **задач**:

- определить место прений сторон в судебном разбирательстве;

- выделить участников судебных прений;
- обозначить предмет и значение судебных прений в уголовном судопроизводстве;
- проанализировать сущность речи государственного обвинителя в судебных прениях;
- проанализировать сущность речи защитника в судебных прениях;
- проанализировать сущность речей иных участников уголовного судопроизводства в судебных прениях;
- охарактеризовать особенности прений сторон в суде с участием присяжных заседателей;
- охарактеризовать особенности прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Решение этих проблем так же увеличивает актуальность выбранной темы исследования, в целях раскрытия главных теоретических и практических проблем, повышения эффективности деятельности в данном направлении.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволявший исследовать явление во взаимосвязи и развитии.

Также применялись всеобщие методы: анализ, дедукция, синтез, структурно-функциональный метод и метод системного анализа. К частно-научным методам применяемых в рамках данного исследования следует отнести: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой метод.

Нормативно-правовую основу исследования составляют: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Теоретическую базу работы составили научные труды известных отечественных ученых в области уголовного процесса.

Научная новизна исследования определяется теми цели и задачами, которые были поставлены, а также выражается в авторском подходе к освещению темы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. УПК РФ содержит противоречия в части отнесения реплик к судебным прениям. Из положений ч.ч. 6, 7 ст. 292 УПК РФ, регулирующей содержание и порядок прений сторон в суде первой инстанции, следует, что реплики входят в состав прений. В гл. 42 УПК РФ, регулирующей порядок производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, законодатель разграничил прения и реплики сторон. Порядку проведения прения сторон посвящена ст. 336 УПК РФ, а репликам сторон – ч. 1 ст. 337 УПК РФ. При этом в диспозиции ч. 1 ст. 337 УПК РФ прописано следующее: «после окончания прений сторон все их участники имеют право на реплику».

В ст. 292 УПК РФ право законного представителя на участие в судебных прениях не закреплено, что вызывает ошибки в правоприменительной практике.

На основании всего вышеуказанного, предлагаем:

Ст. 292 УПК РФ изложить в новой редакции:

«Статья 292. Прения сторон

1. Прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый.

2. В прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель. Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, подсудимый и законный представитель несовершеннолетнего подсудимого вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон.

3. Последовательность выступлений участников прений сторон устанавливается судом. При этом первым во всех случаях выступает обвинитель, а последними – подсудимый и его защитник. Гражданский

ответчик и его представитель выступают в прениях сторон после гражданского истца и его представителя.

4. Участник прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми.

5. Суд не вправе ограничивать продолжительность прений сторон. При этом председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому уголовному делу, а также доказательств, признанных недопустимыми.

6. Лица, указанные в частях первой - третьей настоящей статьи, по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату вправе представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в пунктах 1 - 6 части первой статьи 299 настоящего Кодекса. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы».

Ст. 293 УПК РФ изложить в новой редакции:

«Статья 293. Реплики сторон и последнее слово подсудимого

1. После окончания прений сторон все их участники имеют право на реплику. Право последней реплики принадлежит защитнику и подсудимому».

2. Председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, в том числе с использованием систем видеоконференц-связи. Никакие вопросы к подсудимому во время его последнего слова не допускаются.

3. Суд не может ограничивать продолжительность последнего слова подсудимого определенным временем. При этом председательствующий вправе останавливать подсудимого в случаях, когда обстоятельства, излагаемые подсудимым, не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу».

2. В п. 15 ч. 4 ст. 44 УПК РФ прописано, что гражданский истец выступает в судебных прениях для обоснования гражданского иска. В п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ законодатель указал, что гражданский ответчик вправе «выступать в судебных прениях».

Таким образом, исходя и указанных выше положений УПК РФ, гражданский истец и ответчик занимают неравное положение в части реализации своего права на участие в судебных прениях. Полномочия гражданского ответчика шире.

Для устранения данной коллизии предлагаем п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ изложить в следующей редакции: «выступать в судебных прениях для обоснования позиции по предъявленному гражданскому иску».

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена выводами и рекомендациями, сформированными в настоящей магистерской диссертации. Именно они составили теоретическую основу проведения дальнейших исследований вопросов уголовной ответственности за преступления несовершеннолетних.

Результаты, которые получены в ходе настоящего исследования, могут быть внедрены в учебный процесс в виде лекционного материала по дисциплине «Уголовное право».

Апробация результатов исследования. Магистерская диссертация выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре «Уголовное право и процесс». Кроме того, результаты диссертационного исследования изложены в одной публикации.

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, три главы, состоящие из семи параграфов; заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы судебных прений в уголовном процессе

1.1 Прения сторон как часть судебного разбирательства

Из положений Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) следует, что прения сторон представляют собой составную часть судебного разбирательства. Так, основные нормы о прениях содержатся в Главе 38 УПК РФ Раздела IX «Производство в суде первой инстанции» Части 3 «Судебное производство». При этом Глава 38 УПК РФ расположена после Главы 37 «Судебное следствие» [82].

На судебные прения как часть судебного разбирательства обращается внимание как в теории, так и на практике. Так, Е.В. Брянская отмечает, что «прения сторон являются самостоятельной частью судебного разбирательства» [11, с. 50]. В свою очередь в п. 2.2. Определения Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017г. № 2873-О указывается, что «прения сторон есть обязательная часть судебного разбирательства» [54].

Суд открывает прения сторон после окончания судебного следствия, о чем председательствующий делает соответствующее объявление. Заканчиваются прения сторон предоставлением последнего слова подсудимому. Следовательно, выступления в прениях – важнейшая и необходимая часть судебного процесса, позволяющая сторонам активно влиять на его результат, убеждая суд в своей правоте [42, с. 39].

Как пишет С.Л. Кисленко, в судебных прениях находит свое выражение логическое завершение процесс судебного исследования доказательств по уголовным делам [31, с. 84]. В продолжение этой мысли М.С. Петракова пишет о том, что к моменту судебных прений исследованы непосредственно все доказательства, как обвинительные, так и оправдательные, заявлены все ходатайства о дополнении судебного

следствия и должна быть выстроена достаточно четкая картина относительно преступного деяния, инкриминируемого подсудимому [59, с. 24].

Справедливость высказываний указанных авторов подтверждается и нормами законодательства.

Согласно ч. 4 ст. 292 УПК РФ участник прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми [82].

Это обусловлено тем, что суд основывает свое решение по уголовному делу только на тех доказательствах, которые им были исследованы в ходе судебного следствия.

В ст. 294 УПК РФ содержится положение о том, что в случае, когда участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых значимых для дела обстоятельствах, или заявят о новых доказательствах, то суд вправе возобновить судебное следствие. По окончании судебного следствия суд вновь открывает прения сторон [82].

Однако, все вышесказанное применимо к рассмотрению уголовного дела в общем порядке. В силу особенностей рассмотрения уголовного дела по правилам главы 40 УПК РФ, то есть при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, или главы 40.1 УПК РФ, то есть при заключении подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве, специфичны и судебные прения. Нужно отметить, что отдельные авторы высказываются против проведения судебных прений при рассмотрении уголовного дела в особом порядке [21, с. 14]. Мы такую позицию не поддерживаем.

В соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ суд в данном случае не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Но при этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [82]. В этой связи, как отмечается в абз. 2 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О

применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел», суд не вправе отказать сторонам в возможности участвовать в прениях, а подсудимому в последнем слове высказаться [63].

О проведении судебных прений при рассмотрении уголовного дела в суде при заключении досудебного соглашения говорится в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»: «прения сторон, в том числе по вопросам, указанным в части 4 статьи 317.7 УПК РФ, проводятся в порядке, предусмотренном статьей 292 УПК РФ, после чего подсудимому предоставляется последнее слово» [66].

На судебные прения как важнейшую часть судебного разбирательства обращает внимание С.А. Пашин. Этот постулат автор обосновывает тем, что «одним из основных назначений правосудия, задающих структуру и формы всему судопроизводству, является поиск и установление истины, что всегда представляет собой творческий процесс, предполагает борьбу противоположностей» [58, с. 4]. О направленности уголовного процесса на достижение истины говорится и в иностранной литературе. Та же Л. Зеднер пишет, что «отыскание истины является одной из центральных функций судебного разбирательства в уголовном суде, а последний рассматривается ею как инструмент поиска истины» [94, с. 168]. Д. Россмэн указывает, что «в уголовном судопроизводстве США, как и в английском уголовном процессе, основным критерием достижения истины является отсутствие разумных сомнений в виновности подсудимого» [97, с. 8].

О роли судебных прений в достижении истины высказываются и другие авторы: «каждый участник судебных прений имеет свою цель, как правило, несовпадающую с объективной истиной. Направивший дело в суд прокурор, естественно, считает истиной свою позицию, однако для суда прокурор – одна из сторон, а обвинительное заключение – лишь версия, нуждающаяся в тщательном и всестороннем критическом анализе с учетом

доводов второй стороны» [42, с. 43]. «Истину можно считать лишь опосредованной и отдаленной целью судебных прений. Непосредственная, ближайшая цель судебной речи заключается в формировании у судей правильного, с точки зрения оратора, взгляда на предмет судебного разбирательства» [14, с. 364-365].

Таким образом, можно сделать вывод, что по общему правилу судебные прения являются логическим завершением процесс судебного исследования доказательств по уголовным делам. Исключения составляют судебные разбирательства в особом порядке по правилам глав 40 и 40.1 УПК РФ, в которых не проводится исследование доказательств по уголовным делам и ориентир сделан на определение меры наказания.

Необходимо отметить, что законодательное определение прений сторон отсутствует. В этой связи для разъяснения данного вопроса необходимо обращаться к позиции ученых.

«Почему институт судебных речей привлекает к себе такое острое внимание? - писал известный русский юрист Ф.А. Волькенштейн. - ... Потому ли, что судебная речь из всех искусств чуть ли не самое жгучее? ... Быть может потому, что в лице двух сторон в уголовном процессе, в лице обвинителя и защитника сталкиваются два начала, управляющие всей историей человечества, - начало целостности человеческого общежития и начало самодовлеющей ценности человеческой личности? ... Быть может, наконец, все дело в том, что судебные прения – самое яркое и абсолютное проявление состязательного принципа в процессе и здесь лицом к лицу сталкиваются всемогущее государство и бессильная личность?» [56, с. 15].

Как отмечает С.П. Желтобрюхов, «прения сторон – это публичное обсуждение виновности или невиновности подсудимого. В них даются анализ и оценка исследованных судом доказательств, высказывается мнение сторон по квалификации инкриминируемого подсудимому деянию, назначению наказания, а порой появляются обстоятельства, требующие возобновления судебного следствия» [20, с. 30].

Прения – это речи ряда участников судебного процесса, поименованных в законе, о существовании рассматриваемого дела. При всем различии их позиций, отсутствии каких – то обязательных требований к содержанию и форме речей в них освещается определенный круг вопросов, подводятся итоги исследования результатов судебного следствия. Как правило, в речах должны анализироваться доказанность преступления, его фактические обстоятельства, наступившие последствия (моральный, физический или имущественный вред), юридическая оценка деяния, данные о личности потерпевшего и подсудимого, причины и условия, способствовавшие совершению преступления. В речи должны содержаться выводы о виновности (невиновности) подсудимого, найти свое обоснование квалификация содеянного, вид и размер наказания или освобождение от него либо оправдание подсудимого, высказаны соображения о судьбе гражданского иска, а также о других вопросах, вытекающих из дела [32, с. 85].

Сущность прений, пишут Е.В. Брянская, Н.Э. Шишкина, «заключается в том, что суд выносит приговор по своему внутреннему убеждению, но в силу принципа состязательности сторон основывает его на аргументации сторонами, на доказательствах и тех доводах, которые приводят стороны в ходе судебного следствия и прений сторон. Прения сторон должны быть результативными, поскольку от них зависит и эффективность, воспитательное содержание приговора суда. Судебные прения выполняют прогностическую роль для приговора суда» [12, с. 91].

Судебные прения, по мнению Т.Г. Морщаковой, И.Л. Петрухина, «должны быть обусловлены точным применением норм материального и процессуального закона, познаниями логики и психологии воздействия на внутреннее убеждение суда, присутствующих в зале судебного заседания» [46, с. 7].

Что же касается законодательной регламентации, то исходя из наименования ст. 292 УПК РФ «Содержание и порядок прений сторон»,

следует сделать вывод, что законодатель акцентировал внимание на содержательной стороне судебных прений [82].

Анализ положений ст. 292 УПК РФ свидетельствует о том, что содержанию прений посвящены ч. 1, ч. 2 и ч. 6 рассматриваемой нормы. Так в ч. 1 и ч. 2 ст. 292 УПК РФ указано, что прения сторон состоят из речей участников уголовного процесса: обвинителя, защитника, потерпевшего и его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика, их представители, а также подсудимого. Более подробно данный вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе.

Однако С.А. Пашин обращает внимание на то, что прения сторон – это не только речи участников процесса, но и реплики [56, с. 16].

Иную позицию занимает В.В. Мельник, считающий реплики сторон самостоятельным элементом судебного разбирательства. Автор пишет о том, что реплики представляют собой ответ, замечание на слова собеседника, возражение одной из сторон в судебном процессе. Из этого вытекает, что реплика не является ни повторением, ни продолжением основной речи; она имеет вполне самостоятельное значение и должна быть только ответом на речь другой стороны [44, с. 340]. Аналогичную позицию высказывают и другие авторы [42, с. 40]. Третьи пишут о том, что судебные прения состоят из речей участников процесса [36, с. 411; 86, с. 370].

Законодатель также не дает точного ответа на рассматриваемый вопрос.

Так, в ч. 6 ст. 292 УПК РФ говорится о том, что после окончания речей участники прений вправе выступить с одной репликой. После этого следует окончание судебных прений (ч. 7 ст. 292 УПК РФ). При этом, как отмечалось выше, ст. 292 УК РФ именуется «Содержание и порядок прений сторон» [82].

Таким образом, исходя из положений ст. 292 УК РФ реплики, наряду с речами участников процесса, входят в состав судебных прений.

Но если обратиться к положениям гл. 42 УПК РФ, регламентирующей порядок производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с

участием присяжных заседателей, то здесь законодатель разграничил прения и реплики сторон. Порядку проведения прения сторон посвящена ст. 336 УПК РФ, а репликам сторон – ч. 1 ст. 337 УПК РФ. При этом в диспозиции ч.1 ст. 337 УПК РФ прописано следующее: «после окончания прений сторон все их участники имеют право на реплику» [82].

В ч. 2 ст. 389.14 УПК РФ, регулирующей порядок проведения прений в суде апелляционной инстанции, о репликах не упоминается. Только указывается, что по окончании прений сторон суд предоставляет последнее слово.

Законодательное определение реплики дается в п. 36 ст. 5 УПК РФ – это замечание участника прений сторон относительно сказанного в речах других участников [82].

Такое понимание реплики согласуется с вышеприведенной точкой зрения В.В. Мельника.

Что же касается точек зрения включения или невключения реплик участников уголовного процесса в состав судебных прений, то здесь нужно вновь обратиться к положениям ч.ч. 1, 2 ст. 292 УПК РФ, где прописано, что прения состоят из речей участников процесса [82]. Поэтому правильной представляется вторая позиция.

В этой связи, для устранения обозначенных выше противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве, предлагаем:

Во-первых, наименование ст. 292 УПК РФ изменить на «Прения сторон».

Во-вторых, ч. 6 ст. 292 УПК РФ исключить.

В-третьих, наименование ст. 293 УПК РФ изменить на «Реплики сторон и последнее слово подсудимого».

Ч. 1 и ч. 2 ст. 293 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1. После окончания прений сторон все их участники имеют право на реплику. Право последней реплики принадлежит защитнику и подсудимому».

2. Председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, в том числе с использованием систем видеоконференц-связи. Никакие вопросы к подсудимому во время его последнего слова не допускаются».

Ч. 2 ст. 293 УПК РФ считать ч. 3.

1.2 Участники, предмет и значение судебных прений

В предыдущем параграфе был указан законодательный перечень лиц, которые участвуют в судебных прениях. Рассмотрим этот вопрос подробно.

Лица, участвующие в судебных прениях, в своих выступлениях дают правовую оценку спорным правоотношениям, выражают свои суждения по существу спора. Участники дебатов подводят итоги рассмотрения дела, помогают суду правильно и всесторонне оценить доказательства, ссылаются на закон, на основе которого, по их мнению, следует решить дело.

Из анализа положений ч. 1 и ч. 2 ст. 292 УПК РФ можно сделать вывод, что всех участников судебных прений законодатель подразделяет на три группы:

Первую группу образуют участники, для которых участие в судебных прениях является обязанностью. К таким участникам относятся государственный обвинитель, частный обвинитель и защитник.

Ко второй группе относятся участники, для которых участие в прениях является правом, а не обязанностью.

- подсудимый и законный представитель несовершеннолетнего подсудимого;
- потерпевший и представитель потерпевшего.
- гражданские истец и ответчик, представители гражданского истца и ответчика.

Теперь рассмотрим каждого участника. Начнем с первой группы участников.

Государственный обвинитель – это поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры (п. 6 ст. 5 УПК РФ) [82].

На практике нередко возникает вопрос, что следует понимать под термином «государственное обвинение» и на какой стадии уголовного процесса он появляется? К сожалению, в теории уголовного процесса еще не выработано единого подхода к пониманию сущности государственного обвинения и определения этого понятия. Также это касается и теории прокурорской деятельности.

Существует точка зрения ученых, «обвинения» и в частности «поддержания государственного обвинения» является частью более широкого вида государственной деятельности, а именно – уголовного преследования лиц, совершивших преступление. Такую позицию разделяют не все ученые, обосновывая это тем, что этот срок по своему содержанию гораздо шире термина «обвинения». В то же время ряд авторов, в частности В.С. Чельцов, П. Давыдов, Н. В. Жогин, считают, что обвинение формируется и осуществляется только в ходе судебного разбирательства, то есть после назначения дела к судебному разбирательству, с чем не согласиться ведь обвинительная функция на досудебном следствии – это то, что делает следователь (ищет доказательства виновности, оценивает их, представляет обвинение, принимает другие процессуальные решения и т.п.) и прокурор в форме надзора [85, с. 280].

Но есть и другие точки зрения. Так, С. Альперт считает, что государственное обвинение возникает уже на стадии досудебного следствия и в полной мере проявляется с момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Его субъектом на данной стадии является следователь или лица, производящие дознание, то есть те, которые формируют обвинения и предъявляют его. В данном случае, автор не различает понятия «обвинение» и «государственное обвинение» [8, с. 45-46].

Итак, исходя из приведенного прокурор – единственная процессуальная фигура, которой государство делегирует полномочия по выполнению функции выдвижения и поддержания обвинения, никто другой не вправе взять ее на себя. Такой вывод был сделан несколько десятилетий назад, однако своей актуальности он не потерял до сих пор.

В качестве государственного обвинителя выступает должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее обвинение от имени государства.

В соответствии с ч. 3 ст. 292 УПК РФ обвинитель во всех случаях выступает первым в судебных прениях [82].

В этой связи интересным будет провести сравнение российского уголовного процесса с зарубежным процессом. Как пишет О. Квик, «исторически в Англии правом выдвигать и поддерживать обвинение в суде обладало и обладает по настоящее время любое частное лицо, причем не обязательно то, которому непосредственно причинен вред преступлением. Считается, что указанное лицо выступает обвинителем в интересах государства. В настоящее время уголовное преследование, в том числе поддержание обвинения в суде, по большинству преступлений входит в компетенцию Королевской службы уголовного преследования (Crown Prosecution Service), созданной в 1985 г. согласно Закону об уголовном преследовании преступлений и возглавляемой директором, назначаемым и подотчетным Генеральному атторнею. Одной из целей создания этой службы являлось повышение эффективности системы уголовного преследования посредством разделения функций расследования (полиция) и уголовного преследования (Королевская служба уголовного преследования)» [96, с. 431]. У. Бёнхэм отмечает, что в англосаксонском уголовном процессе прокурор (барристер на стороне обвинения) в заключительных прениях сторон выступает с речью последний [92, с. 199]. Но его свобода не беспредельна. Х.Д. Израел указывает, что «ему запрещено прибегать к аргументации, сводящей на нет справедливость процесса (прецедент 1986 г. по делу *Darden versus Wainwright*). Напутствуя жюри, председательствующий должен дать

присяжным заседателям инструкцию игнорировать недопустимые нападки и заявления прокурора» [95, с. 444-445].

Возвращаясь к российскому законодательству необходимо отметить, что обязанность государственного обвинителя участвовать в судебных прениях по делам публичного и частно-публичного обвинения вытекает из положений ч. 2 ст. 246 УПК РФ. Также в п. 4 Определения Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016г. №457-О подчеркивается, что государственный обвинитель «является единственной процессуальной фигурой, выполняющей в судебном разбирательстве функцию уголовного преследования со стороны государства» [53].

Как отмечает В.А. Лазарева «обвинительная речь – это речь государственного обвинителя, в которой он доказывает суду виновность подсудимого в совершении преступления» [41, с. 136].

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае, если государственный обвинитель откажется от выступления в судебных прениях и не выскажет свою позицию относительно виновности подсудимого в совершении преступления, то это фактически будет означать отказ государственного обвинителя от обвинения.

Соответственно, если государственный обвинитель откажется от участия в судебных прениях, что повлечет незаконное прекращение уголовного преследования, то он должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника (п. 1 ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») [87].

Следующим обязательным участником судебных прений является защитник.

В соответствии со ст. 49 УПК РФ защитником является адвокат – лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов

подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу [82].

Согласно ч. 3 ст. 292 УПК РФ защитник в судебных прениях выступает последним [82].

Об обязательном участии защитника в судебных прениях говорится в законе и судебной практике.

Деятельность адвоката, в том числе его обязанности, регламентируются ст. 7 Федерального закон от 31 мая 2002г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [88] (далее – Закон №63-ФЗ). В частности, в п. 1 ч. 1 Закона №63-ФЗ прописано, что адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами [88].

Об обязанности защитника участвовать в судебных прениях указывается в Определении Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017г. №2873-О: «Согласно разъяснению Экспертно-методической комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов в связи со случаями невыполнения адвокатами-защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающего права доверителей на защиту, от 23 марта 2011 года к числу обязанностей адвоката-защитника, которые он должен выполнять в интересах подзащитного на основании требования ст. 292 УПК РФ независимо от воли подзащитного, относится и участие в прениях сторон.

По смыслу названных законоположений и норм профессиональной этики, прения сторон есть обязательная часть судебного разбирательства и адвокат, принявший на себя защиту подсудимого, обязан участвовать в судебных прениях в любом случае, независимо от позиции по этому вопросу самого подзащитного, с тем, чтобы обеспечить оказание ему квалифицированной юридической помощи и в своей защитительной речи дать объяснение всем тем обстоятельствам и доводам, которыми опровергается или ослабляется предъявляемое подсудимому обвинение, а

также требовать от суда принятия мер по предотвращению нарушения прав и законных интересов своего подзащитного. Отказ адвоката от выступления в прениях означает невыполнение профессиональным защитником своей процессуальной функции» [54].

Так, Северо-Кавказский окружной военный суд, отменяя приговор Грозненского гарнизонного военного суда, указал следующее: «В судебном заседании подсудимый З. виновным себя не признал и в соответствии со ст. 51 Конституции РФ отказался давать показания по существу предъявленного обвинения. Однако защитник – адвокат Г. эту позицию своего подзащитного не поддержал. Более того, в прениях защитник заявил, что, несмотря на непризнание З. своей вины, она полностью доказана, и просил суд назначить подсудимому наказание в виде 2 лет лишения свободы в колонии-поселении. Подсудимый З. после выступления защитника в последнем слове просил суд не лишать его свободы.

При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что защитник – адвокат фактически отказался от принятой на себя защиты, вследствие чего право подсудимого на защиту при рассмотрении дела существенно нарушено» [72].

Похожая ситуация имела место при рассмотрении Верховным Судом Карачаево-Черкесской Республики уголовного дела в отношении К., также допустившего существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства, заключающееся в том, что «ходатайств об отказе от помощи защитника в порядке ст. 52 УПК РФ, в том числе на стадии судебных прений, от К. суду не поступало....адвокат Б. заявил, что К. является профессиональным адвокатом и по их договоренности сам выступит в судебных прениях, тем самым фактически устранился от осуществления защиты прав и интересов обвиняемого в уголовном судопроизводстве. В судебных прениях с защитительной речью выступил подсудимый» [72].

В третьем случае право на защиту подсудимого было допущено при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей: «Из

протокола судебного заседания следует, что в прениях выступил один подсудимый П., а защищавший его адвокат Л. отказался от участия в прениях, при этом мотив отказа адвоката от участия в прениях не выяснялся... При таких обстоятельствах, исходя из принципа состязательности и равенства процессуальных прав сторон при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, отказ адвоката от участия в прениях, судебная коллегия расценивает как ограничение права подсудимого П. на защиту, то есть нарушение уголовно-процессуального закона влекущее отмену приговора» [72].

Отказ от участия в судебных прениях защитника расценивается как нарушением ими своих обязанностей. В этом случае адвокат привлекается к дисциплинарной ответственности вплоть до лишения статуса адвоката. Инициировать дисциплинарное разбирательство может суд, в чьем рассмотрении находилось уголовное дело, путем направления представления, в котором предъявляется дисциплинарное обвинение, в соответствующую Адвокатскую палату субъекта РФ.

Таким образом, можно сделать промежуточные выводы, что государственный обвинитель и защитник – это основные, главные, участники судебных прений. При этом, отказ от участия в судебных прениях государственного обвинителя по сути является отказом от обвинения, а отказ защитника от участия в судебных прениях – это существенное нарушение прав подсудимого. За неисполнение своих профессиональных обязанностей государственный обвинитель и защитник должны нести дисциплинарную ответственность.

Теперь перейдем к рассмотрению участников второй группы.

Участие подсудимого в судебных прениях, исходя из положений ч.ч. 1-2 ст. 292 УПК РФ необходимо рассматривать в двух аспектах.

Во-первых, участие подсудимого в судебных прениях при отсутствии защитника.

Во-вторых, участие подсудимого в судебных прениях наряду с защитником.

Г.И. Загорский констатирует, что «согласно ч. 1 ст. 292 УПК РФ подсудимый участвует в прениях сторон при отсутствии защитника в любом случае. Однако в части второй этой же статьи УПК РФ установлено, что подсудимый вправе только ходатайствовать об участии в прениях сторон. Итак, уже в одной этой статье обнаруживаются явные противоречия» [22, с. 15].

Такая позиция представляется спорной. Полагаем, что выступление в судебных прениях подсудимого при отсутствии защитника является правом, а не обязанностью. Если рассматривать это именно как обязанность, то в таком случае ее невыполнение должно влечь какие-либо правовые последствия для подсудимого, что уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено. Вместе с тем суд обязан разъяснить подсудимому право ходатайствовать об участии в прениях сторон, о чем говорится в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [67]. Об этом же говорится и в литературе. Как отмечает Ю.С. Булгакова, в случае не разъяснения подсудимому право ходатайствовать об участии в судебных прениях приговор может быть отменен» [13, с. 43].

Так, Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия от 11 июня 2003 года был отменен приговором Абазинской постоянной сессии Таштыпского районного суда от 10 апреля 2003 года в связи с существенным нарушением норм УПК РФ, выразившихся в том, что «в ходе судебного разбирательства подсудимый отказался от помощи адвоката. В то же время суд не предоставил подсудимому слово для выступления в судебных прениях, как того требует ч. 1 ст. 292 УПК РФ» [28].

Аналогичным образом поступила Кассационная инстанция Приморского краевого суда, отменив приговор Партизанского районного суда в отношении Б. и Л. по следующей причине: «В судебном заседании в прениях сторон участвовали сторона обвинения, потерпевшие и адвокаты, однако подсудимые Б. и Л. в прениях не участвовали, сведений о разъяснении им этого права (по ст.292 УПК РФ) при разъяснении процессуальных прав в протоколе судебного заседания не имеется (разъяснены лишь право отвода, права, предусмотренные ст.47 УПК РФ и ст.51 Конституции РФ). Из протокола судебного заседания видно, что Б. и Л. не была предоставлена возможность выступить в прениях сторон: суд объявил об окончании судебных прений и сразу же предоставил последнее слово подсудимому Б. В последнем слове Б. прямо указало том, что был лишен права выступления в судебных прениях» [49].

Согласно ч. 1 ст. 293 УПК РФ после окончания прений сторон председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, в том числе с использованием систем видео-конференцсвязи. Никакие вопросы к подсудимому во время его последнего слова не допускаются [80].

На основании ч. 1 ст. 295 УПК РФ заслушав последнее слово подсудимого, суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора, о чем председательствующий объявляет присутствующим в зале судебного заседания [82].

Таким образом, подсудимый имеет право дважды выразить свое отношение к обвинению – во время судебных прений и в последнем слове.

В соответствии с ч. 1 ст. 428 УПК РФ в судебных прениях по уголовным делам в отношении несовершеннолетних имеют право участвовать законные представители несовершеннолетних [82].

Как прописано в п. 12 ст. 5 УПК РФ, в качестве законных представителей в уголовном судопроизводстве могут выступать: «родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители

учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства» [82]. При этом перечень лиц, содержащийся в пункте 12 ст.5 УПК РФ, которые могут быть законными представителями, является исчерпывающим. Данное положение закона нашло свое отражение и в п.11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», согласно которому, «если несовершеннолетний подсудимый не имеет родителей и проживает один или у лица, не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в суд в качестве его законного представителя вызывается представитель органа опеки или попечительства» [65].

Необходимо отметить, что в ст. 292 УПК РФ, процитированной выше, право законного представителя на участие в судебных прениях не закреплено, что вызывает ошибки в правоприменительной практике.

Так, в Обзоре судебной практики по результатам изучения рассмотренных в 2014 году судами Нижегородской области в порядке главы 50 УПК РФ уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, приведено несколько случаев, «когда законному представителю несовершеннолетнего подсудимого не представлялось право выступить в прениях, и не выяснялся вопрос о его желании участвовать либо не участвовать в судебных прениях». При этом в Обзоре дается следующее пояснение относительно ошибочности такой позиции: «...несмотря на то, что в ст. 292 УПК РФ установлен исчерпывающий перечень участников судебных прений, и в указанной норме закона ничего не говорится о возможности участия в судебных прениях законных представителей несовершеннолетних подсудимых, следует обратить внимание на то, что в соответствии с прямым указанием закона (п. 4 ч. 1 ст. 428 УПК РФ) законный

представитель несовершеннолетнего подсудимого вправе участвовать в прениях сторон» [51].

Г.В. Ершова уточняет, что непредоставление законному представителю «возможности выступления в судебных прениях при отсутствии от него ходатайства при надлежащем разъяснении такого права, не должно признаваться нарушением уголовно-процессуального закона» [25, с. 128]. Полагаем, что это точка зрения применима ко всем участникам судебных прений второй группы, включая подсудимого, у которого отсутствует защитник.

Учитывая вышеизложенное, для ликвидации обозначенного пробела в ч. 2 ст. 292 УПК РФ, предлагаем данную норму изложить в следующей редакции:

«2. В прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель. Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, подсудимый и законный представитель несовершеннолетнего подсудимого вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон».

Право потерпевшего на участие в судебных прениях закреплено в ч. 3 ст.11 УПК РФ. А понятие потерпевшего дается в ст. 42 УПК РФ. При этом необходимо отметить, что ранее действовавший УПК РСФСР не допускал к участию в судебных прениях потерпевших по большинству составов преступлений (ч.ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР). Но Конституционный Суд РФ Постановлением от 15 января 1999г. признал данную норму неконституционной [60].

Как разъясняется в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» «председательствующий обязан разъяснить потерпевшему, его законному представителю, представителю право участвовать в прениях сторон и известить этих лиц о дате, времени и месте их проведения, а также обеспечить им возможность выступить в прениях сторон, если они того

пожелают, за исключением случаев, когда потерпевший отказался от участия в судебном заседании» [64].

Согласно положению ч. 3 ст. 292 УПК РФ последовательность выступления потерпевшего в судебных прениях будет устанавливаться судом. Однако, учитывая, что государственный обвинитель выступает в судебных прениях первый, а подсудимый и защитник – последними, то потерпевшему по делам публичного и частно-публичного обвинения слово потерпевшему предоставляется после государственного обвинителя [55, с. 264]. Это обусловлено той ролью, которую занимает потерпевший в уголовном процессе. Потерпевший пользуется равными со стороны защиты процессуальными правами, государственный обвинитель может ходатайствовать о согласовании с ним позиции по делу [35, с. 345]. Как отмечает С. А. Смирнова: «В судебном разбирательстве потерпевший участвует в реализации двух тесно связанных функций. Одна из них — отстаивание своих прав и законных интересов, другая — исследование обстоятельств уголовного дела» [79, с. 107].

Если же речь идет о делах частного обвинения, то здесь потерпевший выступает в судебных прениях первым, поскольку является частным обвинителем (п. 59 ст. 5 УПК РФ), поддерживающим обвинение (ч. 3 ст. 246, п. 2 ч. 4 ст. 321 УПК РФ). Для частного обвинителя, как и для государственного обвинителя, и защитника, участие в судебных прениях является обязательным. Он не вправе отказаться от произнесения речи [48, с. 517]. Уклонение от такой обязанности будет рассматриваться как отказ от обвинения.

Согласно ч. 1 ст. 44 УПК РФ гражданский истец – это физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного и (или) имущественной компенсации морального вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Соответственно гражданский ответчик – это физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом РФ

несет ответственность за вред, причиненный преступлением. (ч. 1 ст. 54 УПК РФ) [82].

Право гражданского истца на участие в судебных прениях прописано в п. 15 ч. 4 ст. 44 УПК РФ, а гражданского ответчика в п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ. Их участие в судебных прениях ограничивается имущественными интересами. Так, в п. 15 ч. 4 ст. 44 УПК РФ прописано, что гражданский истец выступает в судебных прениях для обоснования гражданского иска. Логично, что гражданский ответчик выступает в судебных прениях для возражения против предъявленного иска или его признания, что вытекает из перечня прав гражданского ответчика, перечисленных в ч. 2 ст. 54 УПК РФ. Однако законодатель в п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ только указал, что гражданский ответчик вправе «выступать в судебных прениях» [82].

Таким образом, исходя из указанных выше положений УПК РФ, гражданский истец и ответчик занимают неравное положение в части реализации своего права на участие в судебных прениях. Полномочия гражданского ответчика шире.

Для устранения данной коллизии предлагаем п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ изложить в следующей редакции: «выступать в судебных прениях для обоснования позиции по предъявленному гражданскому иску».

Обобщая все вышесказанное, алгоритм допуска судом подсудимого, законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, гражданских истца и ответчика к участию в судебных прениях может заключаться в следующем:

- председательствующий, руководствуясь положениями ст. ст. 267, 268 УПК РФ, в подготовительной части судебного заседания осуществляет разъяснение названным участникам процесса их права заявить в последующем ходатайство об участии в судебных прениях (необходимо отметить, что в ч. 2 ст. 292 УПК РФ про ходатайство потерпевшего и его представителя об участии в судебных прениях не указывается, что выглядит не логичным,

поскольку иным способом, как устно или письменно заявить о своем желании участвовать в судебных прениях потерпевший не может);

- непосредственно после окончания судебного следствия производится напоминание данным лицам о возможности заявления ими соответствующего ходатайства.
- в случае поступления соответствующего ходатайства председательствующий предоставляет указанным лицам возможность выступления в судебных прениях.
- если ходатайство не заявляется – участие в судебных прениях не является обязательным.

Для детального анализа вопросов, обозначенных в Главе 2 настоящей работы, необходимо определить, что является предметом судебных прений.

Учитывая тот факт, что судебные прения состоят из речей участников уголовного процесса, о чем сделан вывод в предыдущем параграфе, предмет судебных прений – это предмет судебной речи, с которой выступает участник.

В ч. 5 ст. 292 УПК РФ прописано положение, что суд не вправе ограничивать продолжительность прений сторон. Но при этом председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому уголовному делу, а также доказательств, признанных недопустимыми [82].

Тем самым законодатель указывает на необходимость придерживаться предмета судебных прений.

Как отмечается в учебной литературе, «предмет судебной речи совпадает с предметом судебного разбирательства, воплощенном в понятии предмета доказывания, закрепляющих перечень вопросов, подлежащих разрешению в приговоре суда» [42, с. 114].

Перечень таких вопросов приведен в п. п. 1-6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ.

К ним относятся: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание [82].

Схожий перечень вопросов приводится и в литературе.

Так, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский указывают, что предметом выступлений сторон в судебных прениях могут являться:

- рассмотрение доказательств, исследованных в судебном следствии, и их оценка;
- юридическая оценка допущенных при производстве по делу процессуальных нарушений и их возможных последствий;
- характеристика обстоятельств, исследованных в судебном разбирательстве;
- юридическая оценка обстоятельств дела (квалификация преступления, вывод о невиновности подсудимого);
- характеристика личности подсудимого;
- соображения по поводу назначения наказания либо возможности освобождения подсудимого от уголовной ответственности и наказания;
- соображения по вопросам, связанным с гражданским иском;
- освещение общественного значения данного дела [78, с. 176].

Другие авторы к предмету судебной речи, помимо перечисленных вопросов, относят:

- «необходимость отбытия этого наказания подсудимым в каком виде исправительного учреждения;

- подлежит ли возмещению материальный ущерб, если иск не был заявлен потерпевшим;
- как поступить с вещественными доказательствами, на кого возложить судебные издержки» [42, с. 114-115].

При этом ученые обращают внимание на то, что предмет и содержание судебной речи, не тождественные понятия. Если предмет судебной речи – это перечень вопросов, ответы, которые в соответствии с УПК РФ должны быть озвучены, то содержание судебной речи – это структура конкретно судебной речи, зависящая от фактических обстоятельств дела [42, с. 115]. Вопрос о содержании судебной речи участников уголовного процесса будет освещен в следующей главе.

По итогам анализа вопросов, рассмотренных в настоящей главе, необходимо определить значение судебных прений.

Как отмечалось выше, законодатель и правоприменитель уделяет особое внимание соблюдению прав участников процесса на выступление в судебных прениях. Не соблюдение этого права рассматривается как существенное нарушение процессуального законодательства и влечет отмену приговора.

Прения – это такой этап судебного разбирательства, в котором в значительной степени проявляется принцип состязательности сторон.

Именно в судебных прениях стороны обвинения и защиты, основываясь на исследованных в суде доказательствах, выдвигают свои доводы и аргументы в обоснование своей позиции по уголовному делу.

Судебные прения – это психологический способ воздействия на суд и присяжных заседателей. Именно при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей это воздействие наиболее велико, поскольку вердикт выносится непрофессиональными юристами.

Выводы по Главе 1.

По общему правилу судебные прения являются логическим завершением процесс судебного исследования доказательств по уголовным

делам. Исключения составляют судебные разбирательства в особом порядке по правилам глав 40 и 40.1 УПК РФ, в которых не проводится исследование доказательств по уголовным делам и ориентир сделан на определение меры наказания.

Государственный обвинитель и защитник – это основные, главные, участники судебных прений. При этом, отказ от участия в судебных прениях государственного обвинителя по сути является отказом от обвинения, а отказ защитника от участия в судебных прениях – это существенное нарушение прав подсудимого. За неисполнение своих профессиональных обязанностей государственный обвинитель и защитник должны нести дисциплинарную ответственность.

В ст. 292 УПК РФ право законного представителя на участие в судебных прениях не закреплено, что вызывает ошибки в правоприменительной практике.

Учитывая вышеизложенное, для ликвидации обозначенного пробела в ч. 2 ст. 292 УПК РФ, предлагаем данную норму изложить в следующей редакции:

«2. В прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель. Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, подсудимый и законный представитель несовершеннолетнего подсудимого вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон».

В п. 15 ч. 4 ст. 44 УПК РФ прописано, что гражданский истец выступает в судебных прениях для обоснования гражданского иска. В п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ законодатель указал, что гражданский ответчик вправе «выступать в судебных прениях».

Таким образом, исходя из указанных выше положений УПК РФ, гражданский истец и ответчик занимают неравное положение в части реализации своего права на участие в судебных прениях. Полномочия гражданского ответчика шире.

Для устранения данной коллизии предлагаем п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ изложить в следующей редакции: «выступать в судебных прениях для обоснования позиции по предъявленному гражданскому иску».

Глава 2 Содержание судебных прений

2.1 Обвинительная речь: понятие, содержание, значение. Особенности речи государственного обвинителя при отказе от обвинения

Под обвинительной речью в учебной литературе понимается «речь государственного обвинителя, в которой он доказывает суду виновность подсудимого в совершении преступления» [42, с. 136].

Как пишет Н.Н. Федяков, речь государственных обвинителей - это процессуальная форма выражения итогового вывода о результатах уголовного преследования, где мотивированно излагаются суду, а также участникам процесса точка зрения государственного обвинителя, которая складывается из анализа собранных по уголовному делу доказательств, изученных в ходе судебного следствия, оценки данных доказательств, а также внутреннего убеждения о виновности либо невиновности лица (лиц), привлекаемого к уголовной ответственности [89, с. 25].

С тем чтобы в практике исключить изложенное выше обстоятельство, любой вывод прокурора должен вытекать из правильных, достоверных посылов, опираться на бесспорно установленные факты. При этом основу должны составлять те доказательства, которые имеют существенное значение для суда при постановлении им законного и обоснованного приговора. Прежде всего, это доказательства, которые определяют доказанность или недоказанность события преступления, его юридическую оценку причастности к нему подсудимого. В тактическом плане не следует загромождать обвинительную речь анализом противоречий, не имеющих существенного значения по делу.

Значение обвинительной речи прокурора состоит в следующем:

- прокурор в своей речи подводит итоги не только судебного следствия, но и предварительного расследования, дает оценку этой

деятельности, констатирует достижение её целей. Его речь свидетельствует о том, что длительная и трудная работа органов предварительного расследования по раскрытию преступления и изобличению лица, его совершившего, завершена успешно;

- прокурор подводит итоги и своей деятельности как государственного обвинителя. Обвинительная речь - это кульминация всей предшествующей деятельности прокурора, в ней в окончательном виде формулируется обвинение и выражается адресованная суду просьба о признании подсудимого виновным и наказании его. В обвинительной речи прокурор имеет последнюю возможность с учетом данных судебного следствия уточнить формулировку обвинения, его юридические признаки;
- обосновывая обвинение перед судом, разворачивая перед ним цепь уличающих обвиняемого доказательств, прокурор способствует формированию у судей внутреннего убеждения в виновности подсудимого, необходимого для принятия правильного решения по делу;
- речь прокурора имеет огромное воспитательное воздействие не только на присутствующих, но и для общества в целом, она убеждает в неотвратимости наказания, в торжестве закона и справедливости [42, с. 229].

В содержательном плане обвинительная речь состоит из трех частей: вступления, главной части и заключения [42, с. 229].

Проанализируем каждую часть обвинительной речи на двух примерах:

- обвинительная речь государственного обвинителя К.С. Гудим по делу Александра Копцева [73] – далее Обвинительная речь №1;
- обвинительная речь государственного обвинителя И.С. Нафикова по делу об убийстве Елесина [74] – далее Обвинительная речь №2.

Начнем со вступления. Как указывается в учебной литературе «вступление должно вызвать интерес слушателей и овладеть их вниманием;

установить с ними психологический контакт, расположить их к себе, завоевать их доверие; психологически подготовить слушателей к восприятию содержания главной части речи» [42, с. 229].

Обвинительная речь № 1: «Уважаемый суд, уважаемые участники процесса! Сегодня нам предстоит выступить в судебных прениях по уголовному делу, расследование и судебное рассмотрение которого привлекло к себе общественное внимание, широко освещалось в прессе, что неудивительно, ведь в результате событий, произошедших 11.01.06 В судебных прениях мне хотелось бы еще раз остановить внимание суда и участников процесса на самых значимых, на мой взгляд, обстоятельствах дела, высказать свою позицию относительно доказанности вины Копцева, квалификации его действий и мере наказания которой он подлежит....Александр Александрович Копцев обвиняется в том, что он в целях распространения среди неопределенно широкого круга лиц своих идей и убеждений об исключительности лиц русской (славянской) национальностиПо совокупности совершенных действий Копцев обвиняется: ... В судебном заседании Копцев виновным себя не признал и показал суду следующее, практически подтвердив показания, данные им в период предварительного следствия, которые кратко сводятся к следующему: ...».

Обвинительная речь №2: «Ваша честь! Уважаемые участники процесса! Завершено судебное следствие по обвинению братьев Ситдиковых, в убийстве ранее не знакомого им Елесина Сергея и в умышленном поджоге его автомашины ... В судебном заседании установлено следующее... В ходе судебного разбирательства подсудимые выразили своё отношение к предъявленному им обвинению. Ситдиков Фанис признал вину в умышленном уничтожении имущества Елесина С.А. путём поджога, вину в убийстве признал частично, указав при этом, что совместного умысла на убийство потерпевшего с Ситдиковым Рамисом у него не было. Ситдиков Рамис заявил, что вину признаёт частично, однако фактически, то

обстоятельство, что в результате именно его совместных и согласованных вместе с Фанисом действий наступила смерть Елесина С.А., он не признал.».

Таким образом, можно выделить следующие элементы вступления:

- обращение к суду и участникам процесса;
- краткое описание совершенного преступления с акцентированием внимания на наиболее существенных деталях уголовного дела;
- изложение фабулы уголовного дела (фактических обстоятельств дела);
- изложение юридической квалификации содеянного в объеме предъявленного обвинения;
- изложение и обоснование позиции подсудимого по предъявленному обвинению.

Соответственно, во второй, главной части обвинительной речи, излагается и обосновывается позиция государственного обвинителя по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора.

При этом пояснения по вопросам даются в определенной последовательности:

Вначале государственный обвинитель формулирует свое отношение о доказанности вины подсудимого по предъявленному обвинению:

Обвинительная речь № 1: «Считаю, что по итогам судебного следствия вина Копцева А.А. по предъявленному ему обвинению в полном объеме установлена ...».

Обвинительная речь № 2: «Я убежден, Ваша честь, что виновность подсудимых независимо от их позиции в суде и отношения к содеянному, бесспорно установлена совокупностью доказательств, представленных следствием и тщательно исследованных судом».

Затем государственный обвинитель подкрепляет позицию о подтвержденности вины подсудимого имеющимися доказательствами по делу:

Обвинительная речь № 1: «... вина Копцева А.А. ... доказана представленными суду доказательствами обвинения, полученными при соблюдении требований норм УПК РФ, а именно:

Показаниями допрошенных в судебном заседании потерпевших: Белинского Р.Д., Куликова Г.В., Эхезкели М.А., Валита И.Б., Мишуловина М., Столовицкого В.Г., Хушбекова Р.Т., Когана И.А. и показаниями потерпевшего Берлина М.В. (оглашены в порядке ст. 281 УПК РФ), которые пояснили обстоятельства причинения им ножевых незнакомым молодым человеком славянской внешности, в последствии оказавшимся Копцевым, который нанесение ударов ножом сопровождал антисемитскими высказываниями, угрозами убийством и другими оскорбительными репликами. Потерпевшие заявили о том, что нечеловеческие, оскорбительные действия Копцева причинили им физический и моральный вред, унизили их человеческое достоинство ... Вина Копцева подтверждается также другими материалами и документами уголовного дела, исследованными в судебном заседании ...».

Обвинительная речь № 2: «Вот те установленные в суде обстоятельства, которые в хронологическом порядке воспроизведут обстановку происшедшего. Из показаний потерпевшей Елесиной Натальи Владимировны следует, что её муж Елесин Сергей Александрович работал в ООО «Нива принт» инженером по котельному оборудованию. 10.10.2015 её муж уехал на работу примерно в 9 часов 30 минут на своем автомобиле «Шевроле Нива». Примерно в 19 часов 30 минут и позже она неоднократно звонила мужу на сотовый телефон, но его номер был недоступен. В этот день Елесин домой не пришёл. Переживая и разыскивая супруга, она звонила на работу мужа, а также рассказала родственникам о случившемся, в том числе его родному брату Елесину Андрею Александровичу. В этот же день они написали заявление о пропаже человека в отдел полиции «Дербышки» г. Казани... Все исследованные доказательства по делу были получены в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона,

никаких оснований для признания какого-либо из них недопустимым не имеется. Все доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости и достоверности, а в совокупности достаточными для ответа на вопрос о виновности подсудимых братьев Ситдиковых в содеянном... Все исследованные доказательства по делу были получены в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, никаких оснований для признания какого-либо из них недопустимым не имеется. Все доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости и достоверности, а в совокупности достаточными для ответа на вопрос о виновности подсудимых братьев Ситдиковых в содеянном.».

Далее государственный обвинитель обосновывает юридическую квалификацию преступления:

Обвинительная речь № 1: «Обращаясь к юридической оценке содеянного Копцевым А.А. считаю, что представленные суду доказательства в их совокупности определенно устанавливают наличие в его действиях составов инкриминируемых ему преступлений: ...».

Обвинительная речь № 2: «Теперь предлагаю обратиться к юридической оценке действий подсудимых Ситдикова Рамиса и Ситдикова Фаниса. Считаю, что действия братьев получили обоснованную и правильную юридическую оценку органа предварительного следствия, за исключением квалификации действий Ситдикова Фаниса по ч. 2 ст. 167 УК РФ».

В конце главной части государственный обвинитель высказывает свое мнение относительно меры наказания, ссылаясь на данные о личности подсудимого; обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание:

Обвинительная речь № 1: «Заканчивая свое выступление и подходя к вопросу о мере наказания, на мой взгляд, уместным будет остановиться на сведениях, характеризующих личность подсудимого Копцева А.А. ...».

Обвинительная речь № 2: «Приступая к обсуждению вопроса о назначении наказания подсудимым, полагаю, что при его решении должны

учитываться положения ч. 3 ст. 60 УК РФ относительно характера и степени общественной опасности преступлений и характеризующих виновных данных, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осуждённых и на условия жизни их семей».

После предложения о мере наказания государственный обвинитель высказывает соображения о возмещении материального ущерба и определения судьбы вещественных доказательств, что, как отмечается в учебной литературе, также является элементом главной части [40, с. 236]:

Обвинительная речь № 1: данные элементы отсутствуют.

Обвинительная речь № 2: «В соответствии с ч. 3 ст. 81 УПК РФ надлежит разрешить судьбу вещественных доказательств по делу: ... принадлежащие подсудимым автомобиль УАЗ с государственным номером Н 046 НН 116 RUS и автомобиль ВАЗ-2115 с государственным номером У 876 МС 16 RUS, как орудия преступления, в силу правил п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфисковать, то есть изъять безвозмездно в собственность государства.

Гражданские иски потерпевших, включающие в себя, в том числе компенсацию морального вреда, поддерживаю в полном объеме и предлагаю их удовлетворить.

Предлагаю в возмещение этих исков обратить арестованное имущество подсудимых в виде денежных средств на их счетах в ПАО «Сбербанк», долю в квартире Ситдикова Рамиса.

Согласно справке, предоставленной следователем, процессуальных издержек по делу не имеется».

Третья часть обвинительной части – заключительная. Здесь в кратком виде формулируются итоги судебного процесса; указывается на результаты преступного посягательства, подчеркивается значимость приговора, общественная опасность преступления и т.д. [42, с. 237].

При этом, как подчеркивается в учебной литературе, отдельные элементы речи, их место в ее структуре, их объем могут меняться в

зависимости от конкретных обстоятельств каждого уголовного дела [42, с. 238].

Так, в анализируемой Обвинительной речи № 1 позиция государственный обвинитель об общественной опасности экстремизма и значимости приговора помещена перед решением вопроса о мере наказания:

«Национальные и религиозные чувства человека являются наиболее ранимыми, любое посягательство на них человек воспринимает крайне болезненно и остро переживает, на первый взгляд не самое примечательное событие может быть поводом и спровоцировать напряженность в гражданском обществе ... От того, насколько взвешенно сегодня суд подойдет к правовой оценке совершенных Копцевым действий, завтра будет зависеть не только то, по какому пути пойдет правоприменительная практика в области пресечения эскалации конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве, предупреждения совершения аналогичных действий лиц возомнивших себя защитниками русского или любого другого народа; будет зависеть насколько безопасно от подобного рода посягательств, будут чувствовать граждане России и других государств на ее территории, а также насколько эффективно государство сможет защитить их права, как это декларируется в законе. А в целом будет стабилизироваться ситуация в этой области общественных отношений».

В Обвинительной речи № 2, государственный обвинитель, перейдя к обсуждению вопроса о назначении наказания, говорит: «Нет преступления более тяжкого по психологической остроте, чем убийство.

Этим близким потерпевшего наносится неизмеримая душевная травма, иногда её не удаётся преодолеть в течении всей жизни.

Следовательно, и наказание за убийство будет справедливым тогда, когда оно будет соответствовать требованиям закона о справедливости».

Определенными особенностями обладает речь государственного обвинителя при отказе от обвинения.

В п. 7 Приказа Генпрокуратуры России от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» указано, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. Отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован и представлен суду в письменной форме [70].

В соответствии с ч. 2 ст. 252 УПК РФ изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту [82].

Согласно ч. 8 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения путем:

- исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание;
- исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте;
- переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание [82].

Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» указывает, что изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения в ходе судебного разбирательства предопределяет принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя.

Вместе с тем государственный обвинитель согласно требованиям закона должен изложить суду мотивы изменения обвинения в сторону

смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания, а суд – принять решение только после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, значимым для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя [68].

Для соблюдения данных требований председательствующий обязан выяснить мнение потерпевшего о возможности переквалификации предъявленного подсудимому обвинения.

После выступления государственного обвинителя в судебных прениях и высказанной впоследствии потерпевшим (представителем потерпевшего) позиции и при наличии категорического несогласия потерпевшего с мнением прокурора председательствующий должен предоставить возможность потерпевшему и государственному обвинителю, относящимся к участникам судопроизводства со стороны обвинения, согласовать свою позицию, а потерпевшему в случае его несогласия с мнением государственного обвинителя представить свой анализ исследованных судом доказательств после ознакомления потерпевшего с ними [9, с. 11].

При постановлении приговора суд должен надлежащим образом учесть доводы потерпевшего по вопросам, затрагивающим его законные интересы, и им должна быть дана мотивированная оценка. Это обусловлено тем, что к стороне обвинения в уголовном судопроизводстве относится не только прокурор – государственный обвинитель, но и потерпевший. Согласно ст. 246 УПК РФ мнение прокурора по делу не зависит от мнения потерпевшего, однако п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ указывает, что потерпевший также вправе поддерживать обвинение, и для этого ему должны быть созданы судом условия для реализации им своих прав [82].

В п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указано следующее: «в соответствии с частями 7 и 8

статьи 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем» [61].

Таким образом, отказ государственного обвинителя от обвинения является обязательным для суда.

Несогласие суда с мотивами, приведенными государственным обвинителем в обоснование отказа от обвинения, не освобождает суд от обязанности прекратить уголовное дело.

Этим российский уголовный процесс, к примеру, отличается от американского. Как пишет В. Бёнхэм, «в соответствии с Правилом 48 Правил уголовной процедуры в окружных судах США 1977 г. (Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts) и законодательством ряда штатов отказ от обвинения после того, как был предъявлен обвинительный акт, допустим лишь с разрешения суда (а во время судебного разбирательства – с согласия подсудимого)» [92, с. 277].

Заметим, что ни УПК РФ, ни акты Генеральной прокуратуры РФ не дают рекомендаций по содержанию и структуре речи прокурора в случае отказа от обвинения. Между тем практика показывает, что она отличается от обвинительной речи в прениях.

В.М. Бозров и Е.В. Попова выделяют следующие элементы речи прокурора об отказе от обвинения: «вступление с соответствующим отказом от обвинения и изложением положений УПК РФ, регламентирующих такой отказ; изложение обвинения, предъявленного подсудимому; краткий анализ доказательств, которыми обвинение подтверждалось по результатам предварительного следствия, а также доказательств, полученных в ходе

судебного следствия, с полной, всесторонней и объективной их оценкой, обосновывающей отказ прокурора от поддержания обвинения; вывод о том, что исследованные в судебном заседании доказательства не подтверждают предъявленного обвинения» [10, с. 49].

Другие авторы к этому перечню добавляют еще один элемент – судьба вещественных доказательств и возможно, заключение, хотя по большинству дел заключением будет сам вывод о том, что исследованные в судебном заседании доказательства не подтверждают предъявленного обвинения [42, с. 245].

Таким образом, можно отметить, что в силу того, что государственный обвинитель – это обязательный участник судебных прений, поддерживающий обвинение от имени государства, к содержанию его речи предъявляются повышенные требования.

В ней должен даваться четкий ответ на вопросы, составляющие предмет прений с учетом фактических обстоятельств уголовного дела.

2.2 Речь защитника. Виды защитительных речей

В рамках судебного разбирательства речь защитника именуется защитительной. Смысл ее заключается в том, чтобы представить наиболее благоприятное впечатление о подсудимом перед судом [1, с. 91].

Л.В. Кречетова, характеризуя речь защитника, отмечает, что «выступление защитника с речью – это итоговая его позиция. В своей речи он приводит факты невиновности подзащитного, указывает контраргументы обвинению. В своей речи он приводит факты невиновности подзащитного, указывает контраргументы обвинению» [40, с. 74].

Речь защитника «состоит в умелом манипулировании доказательственной базой таким образом, чтобы представить те или иные доказательства в качестве убедительных, обоснованных и неопровержимых» [81, с. 218].

Основная задача адвоката в судебных прениях состоит в том, что он должен умело оперировать нормативным материалом, доказать свою правовую позицию, на основе собранных и исследованных доказательств опровергнуть позицию противоположной стороны. В заключение судебных прений адвокат должен подытожить все ранее сказанное кратким выводом.

Адвокат, несомненно, является субъектом любого судопроизводства, который поможет осуществить конституционные права на судебную защиту граждан и окажет квалифицированную юридическую помощь. Бесспорно, это существенно и важно как для общества, так и для государства в целом. Адвокат отличается от иных лиц осуществляющих представительство, тем, что он делает это на профессиональной основе, адвокат всегда несет ответственность за свою работу, его квалификация и компетентность предполагает более надежную и результативную защиту прав и свобод доверителей.

Участие в судебных прениях дает защитнику возможность подвергнуть развернутой критике версию обвинения и изложить суду все доводы в пользу подсудимого. Как и вся судебная деятельность защитника, участие в прениях имеет целью убедить судей в правильности позиции защиты, склонить их к благоприятному для подсудимого решению, не допустить возможные ошибки во вред подсудимому, исключить привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновного, что служит постановлению правосудного приговора. Выступление защитника в прениях сторон представляет собой значительную часть его деятельности. На данном этапе защитник завершает большую работу, направленную на изложение своей позиции суду на доказанность обвинения, правовую квалификацию и меру наказания [42, с. 265].

Индивидуальность защитительной речи зависит от обвинения, которое предъявлено подсудимому, от итогов судебного следствия, позиции избранной защитой, а также имеющихся доказательств. Благодаря тому, что защитник выступает в прениях сторон после обвинителя, на построение

защитительной речи оказывает влияние обвинительная речь, произносимая прокурором. Тем не менее, защитительная речь должна обладать самостоятельностью, при которой защитник подвергает анализу все обстоятельства дела с точки зрения защиты, приводит данные, свидетельствующие в пользу подзащитного [42, с. 268-269]. Известный английский адвокат К. Эванс, рекомендуя стиль речи для выступлений в суде, отмечает, что «в наше время защитительная речь должна напоминать скорее аргументированное выступление по радио (a reasoned talk on the radio), чем образец красноречия с излишне высокопарными фразами и выразительной жестикуляцией» [93, с. 69].

В современных исследованиях подчеркивается, что речи защитника в судебных прениях присущи следующие специфические признаки:

- если рассматривать данный этап судебного разбирательства, то именно речь защитника выступает как единственный способ выражения им мнения защиты относительно всех обстоятельств данного уголовного дела, а также исследованных в суде доказательств;
- целью данной речи также выступает оказание воздействия на участников процесса и, главным образом, на судей (в том числе, судей из народа – присяжных заседателей), которые имеют прямое влияние на юридическую судьбу данного уголовного дела и подсудимого;
- в судебных прениях по общему правилу не принимает участие суд, занимая здесь позицию арбитра в споре, выслушивая речи сторон и формируя собственное убеждение относительно всех обстоятельств данного дела;
- сутью речи защитника является обоснование позиции стороны защиты в ответ на речь государственного обвинителя, озвученную им ранее в ходе своего выступления [42, с. 24].

Таким образом, активное участие защитника в судебных прениях способствует защите прав и законных интересов человека и гражданина, позволяет обратить внимание суда на заслуживающие учета значимые обстоятельства его личности, а также в целом обобщить позицию защиты по предъявленному обвинению.

Речь адвоката не может выходить за границы позиции и интереса [69, с. 116] подзащитного, он обязан реагировать только на нарушения, затрагивающие интересы последнего [2, с. 79]. Справедливо в этом смысле высказывание И.Я. Фойницкого: «защитник и ныне, конечно, приглашается в помощь правосудию; но эта помощь должна происходить в строго определенных границах той процессуальной функции, которая на него возлагается» [90]. «Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить, что просьба о назначении защитника – право подсудимого, данное ему законом для ограждения его интересов. Принимая на себя роль обвинителя – роль вовсе ненужную, так как она уже исполнена прокурором, - защитник нарушает, следовательно, доверие, с которым относился к нему подсудимый. Если бы подсудимый мог предвидеть такое превращение защиты в обвинение, он, конечно, не просил бы о назначении защитника, основательно предпочитая иметь одного обвинителя, а не двух» [80, с. 240].

Защитительная речь, как отмечает Э.Р. Гареева, это «публичное выступление адвоката, являющееся самостоятельным и важным средством защиты, используя которое, защитник подвергает тщательному анализу фактические обстоятельства уголовного дела, характеризует личность подзащитного ... и формулирует выводы по уголовному делу» [19, с. 129].

Уголовно-процессуальный закон не содержит специальной нормы, которая определяет содержание и структуру защитительной речи. Но для того, чтобы правильно решить этот вопрос необходимо учитывать содержание ст. 299 УПК РФ, где представлен перечень вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора.

Учеными-процессуалистами высказываются предложения о том, чтобы законодательно закрепить содержание защитительной речи [2, с. 34], однако многие не поддерживают это предложение. Как отмечает Г.Г. Шиханцов: «защитительная речь – живое, творческое дело» [91, с. 263]. Индивидуальность защитительной речи зависит от обвинения, которое предъявлено подсудимому, от итогов судебного следствия, позиции избранной защитой, а также имеющихся доказательств. Благодаря тому, что защитник выступает в прениях сторон после обвинителя, на построение защитительной речи оказывает влияние обвинительная речь, произносимая прокурором. Тем не менее, защитительная речь должна обладать самостоятельностью, при которой защитник подвергает анализу все обстоятельства дела с точки зрения защиты, приводит данные, свидетельствующие в пользу подзащитного [42, с. 268-269].

Объединяя различные мнения по вопросу содержания защитительной речи, высказанные в науке, можно говорить о следующих ее элементах: вступление; анализ фактических обстоятельств дела; анализ юридической стороны предъявленного обвинения; характеристика личности подсудимого; заключение [14, с. 452].

В целом защитительную речь можно разделить на три части: вступление, главная часть (анализ фактических обстоятельств дела, анализ юридической стороны предъявленного обвинения, характеристика личности подсудимого), заключение.

Проиллюстрируем структуру защитительной речи на примере выступления в прениях адвоката Кусаева А.Н. [18].

Вступление.

Вступительная часть речи предваряет ее содержание. Во вступлении может быть развита общая мысль, может быть приведен афоризм в форме цитаты, либо же собственное изложение оратора [42, с. 270].

Пример:

Предварительным следствием моему подзащитному вменяется ч. 1 ст. 139 УК РФ, где Д. якобы незаконно проник в квартиру потерпевшей Е.

Полагаю, что возбужденное уголовное дело, по моему мнению, изначально сфабриковано и «натянута» до невозможности.

Очень большие сомнения в правдивости вызывают показания самой потерпевшей Е., «сюжет» которых кардинально меняется с момента первоначальных заявлений и объяснений, дальнейшими показаниями в допросах, очных ставок.

Главная часть.

Главная часть – это наиболее важная и ответственная часть защитительной речи. Она включает в себя анализ доказательств, оценка правильности квалификации преступления и рассказ о личности подсудимого. Если защитник признает обвинение доказанным полностью или частично, тогда в этой части речи прибавляется еще и анализ причин и условий совершения преступления. Последовательность элементов главной части защитительной речи зависит от позиции защитника по делу, однако если адвокат оспаривает доказательства, он не может дать анализ квалификации до тех пор, пока не проанализирует доказательства [42, с. 270].

Пример:

В объяснении от 05.08.2013 года том 1 л.д. 37 полученное УУП К., потерпевшая поясняет, что 02.08.2013 года позвонили в домофон, которая она в последующем открыла. После чего она открыла входную дверь и находилась в коридоре квартиры. Через некоторое время в квартиру вошли её бывший муж М и незнакомый ей человек. Через некоторое время в ходе разговора между ней и М. произошёл конфликт. Она попросила его уйти. В ходе конфликта незнакомый ей человек покинул квартиру; через некоторое время вышла бабушка и попросила М. покинуть квартиру. После чего он ушёл.

После вышеуказанного объяснения, данного в отделе полиции «фантазия (потерпевшей либо следователя)» в дальнейших корректировках и дополнениях не имеют границ.

Так, в объяснении от 14.10.2013 года том 1 л.д. 64 полученное следователем Ю., потерпевшая показывает, что «когда я услышала что поднимается лифт, вышла в коридор квартиры и начала смотреть через приоткрытую дверь квартиры на лестничную площадку. Когда открылись двери лифта, я увидела М. и ещё одного неизвестного мне мужчину, которые находились в нетрезвом состоянии».

После этого у них произошёл разговор, при этом они находились на лестничной площадке. После чего между бывшими супругами начал разгораться конфликт, который продолжился в помещении жилища, путём применения «лёгкого» насилия и незаконного проникновения в квартиру. Через некоторое время вышла бабушка потерпевшей и начала возмущаться такому поведению. После выхода бабушки из комнаты второй мужчина (Д.) сразу же вышел из квартиры (однако в вышеуказанном объяснении он не дожидался бабушки, а сразу вышел...) и закрыл за собой входную дверь.

Далее 03.08.2013 г. около 01.00 часов она позвонила и сообщила о случившемся в полицию, однако данный телефонный звонок не нашёл своего подтверждения и отражения в расследуемом деле.

Телефонное сообщение о преступлении должно было быть зарегистрировано в Дежурной части полиции и по факту произошедшего произведены мероприятия, необходимые для фиксации преступления. Поэтому появляются сомнения о произведённом звонке.

Хронология при детальном изучении «событий» меняется по истечении времени с геометрической прогрессией.

Так, в протоколе допроса потерпевшей том 1 л.д. 160 Е. подтверждает информацию в ранее данных заявлениях и объяснениях (как? Мягко говоря, между ними нужно производить «очную ставку», они разные по своему содержанию и смыслу). Том 1 л.д. 163, в котором Е. утверждает, что в ходе

разговора на лестничной площадке она попросила уйти М. и пыталась закрыть за собой дверь. При этом неизвестный мужчина (Д.) сказал: «Не дай ей закрыть дверь». Остаётся загадкой, для чего это ему было нужно, он что «борец за справедливость!»?

Показания не поддаются логике, и отсутствует причинно-следственная связь.

В ходе очной ставки между бывшими супругами том 2 л.д. 2, потерпевшая говорит, что М. поднялся лифт, она услышала и подошла к входной двери. Приоткрыв двери, она увидела бывшего мужа и неизвестного человека, при этом М. попытался войти в квартиру. Через некоторое время М. продолжал «прорываться» в квартиру, при этом «Неизвестный мужчина, как теперь мне известно, Д., в это время удерживал входную дверь рукой, не давая её закрыть».

Далее, в ходе очной ставки между Д. и потерпевшей Е. том 2 л.д. 8 были установлены новые факты произошедшего, а именно, на мой вопрос почему не была заперта дверь после того как она увидела кто к ней пришёл, она ответила, что М. была схвачена ручка двери и поставлена нога, дабы на закрылась дверь. На вопрос: «Видела ли она кто выходил из лифта?», потерпевшая ответила отрицательно, то есть не видела. Также отметила, что расстояние от лифта до входной двери примерно 4-6 метров. В разрез показаний данных на очной ставке в протоколе допроса потерпевшей (том 1 л.д. 162), а также объяснений Е. говорит, что когда открылись двери лифта она видела кто выходил оттуда.

Заключение.

Заключительная часть защитительной речи, это подведение итога выступлению защитника. Эта часть речи должна выразить ту идею, которая является главной, она должна обозначить основную мысль защиты и вместе с тем быть органически связанной с другими частями защитительной речи. Эффект речи должен быть ярким, выразительным, точным и кратким. В заключительной части защитник должен четко и ясно сказать то, о чем

просит суд: об оправдании подсудимого, если его вина не установлена, о назначении ему минимального срока наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, об условном осуждении [42, с. 275].

Пример:

То есть, подводя итог, можно сделать вывод, что каждое отдельно взятое показание потерпевшей Е. уникально в своём роде и отлично от других её показаний. Общеизвестным фактом (и как показывает практика) является то, что действительными считаются первоначально данные показания, так как они свежи в памяти и имеют более яркую картину воспроизведения и соответственно, фиксации.

К показаниям свидетелей А., С., Ф. считаю необходимым отнестись критически, так как они являются родственниками потерпевшей и характеризуют Е. только с положительной стороны, а к М. соответственно имеют претензии. Также хотелось обратить внимание, что в связи со здоровьем бабушки потерпевшей А. следственные действия в виде предъявления Д. для опознания, а также очной ставки между подозреваемыми, произвести не представилось возможным. Однако в свою очередь «здоровье бабушки» не помешало следователю допросить её в качестве свидетеля и произвести опознание по фотографии. В показания С. тоже с трудом верится, так как в ночное время период с 22.00 час. до 01.00 час. обычно не производят ремонт в квартире, с учётом (опять таки) слабого здоровья бабушки.

С учётом данных потерпевшей показаний (например, крики, ругань, насилие и всё это при открытых входных дверях квартиры) в деле отсутствуют объяснения или допросы соседей.

По моему мнению, Е. злоупотребила правом обращения в правоохранительные органы с целью наказания Д., М. в рамках инкриминируемого преступления, предусмотренная ст. 139 УК РФ. Считаю, что потерпевшая наговаривает в связи с произошедшими между бывшими супругами конфликтами, оскорблениями, обидами и т.д. и т.п. Обида Е., по

моему мнению, была настолько велика, что, по мнению защиты, ей не было разницы к какой статье и мере наказания привлекать М. (это видно какой она сделала «круг» от полиции, суда и до следственного комитета).

Поэтому считаю, что к показаниям потерпевшей Е. необходимо отнестись критически, и они не могут быть положены в основу обвинения. При этом мой подзащитный стал жертвой обстоятельств и случайным свидетелем семейного конфликта.

Хочу также отметить, что у Д. не было умысла на незаконное проникновение, расследование уголовного дела не раскрыло логической цепочки его действий и мотива на совершение инкриминируемого ему преступления.

Таким образом, прихожу к выводу, что в действиях Д. отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 139 УК РФ.

На основании вышеизложенного, «Прошу суд оправдать моего подзащитного, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления ...».

Содержание защитительной речи зависит от ее вида.

Во-первых, это может быть речь, полностью оправдывающая подсудимого. В таком случае защитник в главной части своей речи доказывает невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или непричастность к преступлению подсудимого. Именно пример такой защитительной речи приведен выше.

Во-вторых, это может быть речь, частично оправдывающая подсудимого. Например, когда подсудимый привлекается к уголовной ответственности по нескольким статьям УК РФ. Тогда защитник в главной части своей речи доказывает невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава одного из преступлений.

В-третьих, это может быть речь, в которой защитник обосновывает неправильность квалификации содеянного. В таком случае он предлагает

переквалифицировать деяние и назначить подсудимому меру наказания по другой статье УК РФ (если речь идет о переквалификации с более тяжкой статьи на менее тяжкую).

В-третьих, это может быть речь, в которой защитник соглашается с предъявленным обвинением, но считает необходимым назначить наказание с учетом данных, характеризующих личность подсудимого, с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Пример:

Если же суд усмотрит, что в действиях моей подзащитной имеется состав инкриминируемых преступлений, при назначении наказания Прошу учесть, что С. характеризуется исключительно с положительной стороны, а именно: не судима, к уголовной и административной ответственности не привлекалась, на учёте у врача нарколога и психиатра не состоит, имеет постоянное место жительства, постоянное место работы, имеет высшее образование, имеет многочисленные характеристики с места жительства и места работы, многочисленные почётные грамоты и сертификаты, многочисленные дипломы, ухаживает за больной бабушкой и т.д.

В связи с этим, полагаю бы возможным при назначении наказания применить положения ст.ст. 64, 73 УК РФ.

Кроме того, обратим внимание на процессуальные особенности прения сторон связана с позицией защитника при непризнании подсудимым своей вины в инкриминируемом ему деянии.

Если подсудимый виновным себя не признает и в прениях настаивает на том, что преступления он не совершал, то его защитник в прениях не может заявлять о том, что в действиях подсудимого он усматривает другой состав преступления, и просить о переквалификации действий подсудимого.

Также недопустимо защитнику заявлять в прениях сторон, что подсудимый преступления не совершал и не виновен, но если суд придет к выводу о виновности подсудимого, то назначить минимальное наказание.

Такая позиция адвоката с учетом показаний подсудимого, не признающего свою вину в совершении инкриминируемого ему деяния, его позиции в прениях не может быть признана надлежащим осуществлением адвокатом своих профессиональных обязанностей по оказанию юридической помощи лицу, подвергнутому уголовному преследованию со стороны государства, поскольку в соответствии со ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного, делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если он ее отрицает [33].

При таком положении суд в целях защиты прав подсудимого обязан принять меры к замене адвоката в прениях сторон.

В ином случае, если адвокат не будет заменен, изложенное выше будет свидетельствовать о нарушении права подсудимого на защиту, которое не может быть устранено в суде апелляционной инстанции и в соответствии с положениями ч. ч. 1 и 2 ст. 389.22 УПК РФ будет являться безусловным основанием для отмены приговора в полном объеме, и направлении дела в суд первой инстанции на новое судебное разбирательство в ином составе суда.

Таким образом, проанализировав содержание и виды защитительных речей, можно сделать вывод, что, несмотря на видимую структурную схожесть обвинительной и защитительной речи, по содержанию они отличаются. Задача защитника – максимально полно и творчески использовать предоставленные ему полномочия по оказанию юридической помощи для обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов подсудимого.

2.3 Речи иных участников уголовного судопроизводства

Анализ содержания речи иных участников уголовного судопроизводства необходимо начать с речи подсудимого.

Как указывалось в Главе 1, подсудимый вправе последним выступить в судебных прениях. После прений ему предоставляется последнее слово.

Таким образом, как отмечалось ранее, подсудимый может дважды обратиться к суду.

Из анализа положений ч. 5 и ч. 2 ст. 293 УПК РФ следует, что в содержательном плане речь подсудимого в прениях и в последнем слове фактически сходятся – должны излагаться обстоятельства, имеющие отношение к уголовному делу.

В чем же заключаются различия? Вышеприведенный анализ предмета судебной речи свидетельствует о том, что подсудимый должен высказаться по вопросам, указанным в ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Особенно это важно, когда подсудимый выступает в судебных прениях при отсутствии защитника.

В последнем же слове рекомендуется указывать следующую информацию:

- слова о личной, трудовой биографии (если есть грамоты, награды за хорошую работу, то нужно обязательно сказать об этом);
- о семейном положении и тяжелом финансовом положении, а также о том, что семья лишится основного кормильца в случае назначения реального срока;
- об отличной учебе в образовательных учреждениях;
- обязательно заявить о полном признании вины и раскаянии в содеянном (если подсудимый признает вину);
- выразить личное мнение по гражданскому иску (если он был заявлен) [75].

Анализ судебной речи законного представителя несовершеннолетнего будет проведен в Главе 3 в рамках раскрытия вопроса об особенностях прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Следующим участников судебных прений является потерпевший.

Речь потерпевшего, как пишут авторы одного из учебных пособий, «по основным характеристикам выступления лица со стороны обвинения, как правило, сходна с позицией государственного обвинителя. Потерпевший преследует в уголовном процессе свой частный интерес, связанный с восстановлением справедливости в его понимании, восстановлением его доброго имени, прав, компенсацией морального вреда и возмещением причиненного преступлением материального ущерба» [71, с. 112].

Как отмечает М.Ф. Мингалимова, «После допроса потерпевшего и окончания судебного следствия суд выясняет мнение потерпевшего относительно меры наказания для виновного в случае вынесения в отношении него обвинительного приговора. При этом у потерпевшего, как правило, три варианта на выбор: вопрос о назначении наказания остается на усмотрение суда; подсудимому необходимо назначить наказание по всей строгости закона или виновный заслуживает снисхождения» [45, с. 280]. Далее автор пишет, что «мнение потерпевшего о снисхождении в судебной практике учитывается при назначении наказания и, как правило, признается смягчающим обстоятельством» [45, с. 281].

Согласно ч. 2 ст. 268 УПК РФ потерпевшему разъясняется право на примирение с подсудимым в случаях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ. А одним из условий прекращения уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим является возмещение причиненного ущерба [82].

Таким образом, речь потерпевшего в судебных прениях может включать: позицию относительно доказанности вины подсудимого; предложения о мере наказания; позицию о применении к осужденному принудительных мер медицинского характера; позицию о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям; предложение о прекращении уголовного преследования в связи с

примирением; позицию об изменении квалификации преступления, озвученную государственным обвинителем в своей речи.

Если потерпевший является частным обвинителем, то в отличие от речи государственного обвинителя, он вправе, но не обязан в судебных прениях излагать суду свое мнение по существу обвинения, о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания, что вытекает из положений ч. 5 ст. 321 УПК РФ [84, с. 322]. Частный обвинитель также «не обязан придерживаться четкой структуры в своем выступлении в прениях сторон. Он может выбрать любую схему выступления и освещения тех вопросов, на которые он бы хотел обратить внимание» [84, с. 402].

Гражданский истец, гражданский ответчик и их представители «вправе касаться в своих речах лишь вопросов, имеющих отношение к гражданскому иску. Они в отличие от прокурора действуют в своих личных интересах. Для их речей существуют определенные рамки. Гражданский истец и его представители могут доказывать только те обстоятельства, от признания которых зависят их исковые требования. К ним можно отнести: доказывание события преступления и виновности в нем подсудимого, выяснение последствий преступления, размера причиненного ущерба, условий и порядка его возмещения. В то же время гражданский истец (если он одновременно не является потерпевшим) не вправе в своей речи касаться вопросов уголовной ответственности подсудимого, квалификации его действий и назначения наказания» [55, с. 112].

При этом, необходимо отметить, что «гражданский истец должен выступать в судебных прениях ранее гражданского ответчика, защитника и подсудимого. Нарушение этой последовательности влечет за собой грубое нарушение закона» [84, с. 517].

Таким образом, можно сделать вывод, что содержанию судебной речи подсудимого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца и ответчика, не предъявляются столь повышенные требования как к речи государственного обвинителя и защитника. Однако речь указанных

участников ограничена обстоятельствами, имеющими отношение к уголовному делу и (или) имущественными интересами.

Выводы по Главе 2.

В силу того, что государственный обвинитель – это обязательный участник судебных прений, поддерживающий обвинение от имени государства, к содержанию его речи предъявляются повышенные требования. В ней должен даваться четкий ответ на вопросы, составляющие предмет прений с учетом фактических обстоятельств уголовного дела.

Несмотря на видимую структурную схожесть обвинительной и защитительной речи, по содержанию они отличаются. Задача защитника - максимально полно и творчески использовать предоставленные ему полномочия по оказанию юридической помощи для обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов подсудимого.

Глава 3 Особенности прений сторон в отдельных судебных производствах

3.1 Особенности выступления сторон в суде с участием присяжных заседателей

Прения сторон являются одним из важнейших элементов рассмотрения уголовного дела с участием присяжных. Являясь самостоятельной частью судебного разбирательства, в которой каждая из сторон подводит итог судебному следствию и обсуждает вопросы, относящиеся к компетенции присяжных и председательствующего [34, с. 55], прения предоставляют сторонам возможность наиболее активно реализовать свое право на отстаивание собственной позиции по уголовному делу [23, с. 58].

Прения сторон в суде с участием присяжных заседателей проводятся в соответствии со ст. ст. 292 и 336 УПК РФ с учетом особенностей рассмотрения дела по данной форме судопроизводства, полномочий присяжных заседателей, содержания вопросов, которые ставятся перед ними [62].

Поддержание государственного обвинения в суде присяжных заседателей имеет множество особенностей, как юридических, так и психологических. Ведь главная задача государственного обвинителя – создать положительное впечатление и вызвать к себе доверие. Ведь ему придется убеждать не одного человека, в том, что подсудимым совершено преступление. Второго шанса исправить впечатление уже не будет [77, с. 130].

Но самое главное признать существование такой проблемы. Как недостаточная регламентация последствий судебных ошибок. Тогда, «работа над ошибками» в среде ответственных органов, несомненно, обладающих достаточно положительным потенциалом, как с точки зрения опыта, так и

корпоративного «коллективного разума» своего учреждения, приведет к желаемым результатам быстрее» [7, с. 130-131].

На государственного обвинителя в суде присяжных возлагаются дополнительные функции. Прокурор проверяет, правильно ли производится отбор кандидатов в присяжные заседатели и непосредственно участвует в формировании коллегии присяжных заседателей. Одной из особенностей участия прокурора в суде с участием присяжных заседателей является его участие в постановке и формулировании вопросов, подлежащих разрешению коллегией.

Как и при общем порядке, в судебных прениях по делам с участием присяжных заседателей государственный обвинитель выступает первым. В своей речи при первых судебных прениях государственный обвинитель представляет анализ и оценку доказательств, избегая информации о личности подсудимого, имеющихся рецидивах, его здоровье, квалификации деяния и вопросов, связанных с наказанием. После произнесения речи прокурор имеет право на реплику. Данное право по такому роду уголовных дел тоже предоставляется дважды, после прений.

При произнесении обвинительной речи государственный обвинитель должен помнить, что присяжные заседатели – это впечатлительные люди и воздействовать на их сознание может только яркая, убедительная, грамотная речь. Именно при рассмотрении данной категории дел прокурору необходимо ответственно подойти к подготовке судебной речи, сделать ее более эмоциональной, насыщенной, обогащенной примерами, выразительными средствами речи [42, с. 249].

Вступление в речи прокурора имеет немаловажное значение. Оно задает тон всему, что в последующем будет оглашать обвинитель. Вступление может как расположить участников процесса и в первую очередь присяжных заседателей, так и наоборот – сразу и окончательно оттолкнуть слушателей. В этой связи рекомендуется государственному обвинителю начать свое выступление с обращения к присяжным заседателям с

благодарностью за активное участие в рассмотрении дела, за правильно поставленные вопросы [76, с. 281]. Поэтому главная задача прокурора в данном случае – заставить аудиторию поверить его словам, исключить наличие любого другого варианта, нежели того, что представляет обвинитель. Наряду с этим, в своей речи прокурор не должен ссылаться на обстоятельства, которые могут заставить присяжных заседателей давать юридическую квалификацию как самому подсудимому, так и деянию [42, с. 249-250].

Заканчивая свою речь, государственный обвинитель может вновь сделать акцент на присяжных, указав их возвышенную роль в судебном заседании [42, с. 252].

Основная цель участия защитника в суде с участием присяжных заседателей – убедить присяжных в правильности и справедливости окончательной позиции, сложившейся по результатам судебного следствия [15, с. 29]. В то же время, при участии в прениях защитникам важно соблюдать запреты, нарушение которых может создать угрозу отмены приговора, постановленного на основе вынесенного присяжными вердикта.

Во-первых, защитник при произнесении прений не вправе упоминать о фактах, которые не рассматриваются в присутствии присяжных (ч.2 ст. 336 УПК РФ). Так, процессуальные решения; вопросы, направленные на обеспечение условий судебного разбирательства; касающиеся юридической квалификации, назначения наказания, применяемых мер пресечения, гражданского иска, судебных издержек и т.д., не смогут быть затронуты в прениях. Судья снимет такие вопросы и обратится к присяжным с требованием не принимать их во внимание при вынесении вердикта [47, с. 68].

Во-вторых, защитник не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые были признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании (ч.3 ст. 336 УПК РФ). Такое выступление тоже будет прервано с разъяснением присяжным, что они не

должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта. В то же время, при выявлении в ходе прений необходимых для исследования новых доказательств защитник может ходатайствовать перед судьей о возобновлении судебного следствия (ст. 294 УПК РФ). По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово. И, наоборот, защитникам запрещено при произнесении прений оспаривать допустимость доказательств, которые не были признаны недопустимыми и подлежали исследованию. Так, Верховный Суд РФ отменил оправдательный приговор, поскольку «в ходе прений защитник Н. говорила о применении к ее подзащитному незаконных методов ведения следствия» [29]. Также был отменен оправдательный приговор в связи с заявлением адвоката о том, что «в обществе наслышаны о незаконных методах ведения следствия, применяемых для получения признательных показаний» [50].

В-третьих, запрещено оспаривать полноту следствия, давать иную оценку деятельности органов предварительного расследования, а также прокурора по представлению доказательств, критиковать суд [43, с. 24].

Так, Верховный Суд РФ отменил оправдательный приговор, мотивировав это следующим: «...во время прений сторон защитник Л., желая вызвать предубеждение присяжных к работе предварительного следствия, обосновывала свою позицию доказательствами, которые в деле отсутствуют, но, по ее утверждению, могли быть добыты следственными органами. Вместо оценки обоснованности обвинения, предъявленного А., предложила оценить присяжным довод о том, что органы следствия не проверили иные версии» [3].

В другом определении Верховный Суд РФ в качестве основания для отмены приговора указал следующую фразу защитника: «К сожалению, история нашей Родины знает много примеров осуждения невиновных» [6]. По убеждению Верховного Суда РФ, это поставило под сомнение качество работы органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

В-четвертых, адвокату-защитнику запрещено говорить о причастности других лиц к совершению преступления. Обосновывается этот запрет тем, что факты, о которых говорит защита, не входят в предмет доказывания, а лица, которых защита называет в качестве реальных преступников – не являются подсудимыми [24, с. 32].

Так, отменяя оправдательный приговор, Верховный Суд РФ указал, что «...адвокаты, выходя за пределы вопросов, подлежащих разрешению по конкретному уголовному делу, обсуждали виновность в организации убийства М. иных лиц» [5]. Полагаем, что такой подход ограничивает защиту в выборе средств и методов защиты подсудимого.

В-пятых, защитникам необходимо осторожно подходить к упоминанию данных о личности подсудимого (приводить характеризующие обстоятельства, сведения о тяжелом детстве, о детях, данные о травмах, болезнях подсудимого и т.д.). Как правило, оглашение таких сведений имеет целью «надавить на жалость» присяжных. Однако Верховный Суд РФ рассматривает такие действия в качестве основания для отмены приговора: «подсудимый систематически доводил до сведения коллегии присяжных информацию, не относящуюся к существу обвинения, в том числе о своем состоянии здоровья, а также о состоянии здоровья своей дочери и матери, необходимости их лечения, и слезах ребенка на свиданиях с ним, условиях его жизни и тяжелом материальном положении» [4].

Вместе с тем в соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ данные о личности подсудимого могут исследоваться с участием присяжных в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. В связи с этим защитник может упоминать данные о личности подсудимого в том объеме, в котором они исследовались в судебном заседании.

В-шестых, по аналогии с судебным следствием нельзя оценивать личность потерпевшего, свидетелей. Так, Верховный Суд РФ, отменяя приговор, указал на то, что «...в присутствии присяжных подсудимый и его

защитники неоднократно допускали оглашение сведений о личности потерпевшей Г. В частности о том, что ранее она была осуждена, употребляла наркотики, работала в сфере оказания интимных услуг, чем незаконно воздействовали на присяжных. Эти обстоятельства могли и способствовали формированию у них негативного отношения к показаниям потерпевшей» [52].

В-седьмых, в прениях при рассмотрении дела с участием присяжных необходимо с особой внимательностью относиться к использованию тактических приемов: не все из них эффективны, а некоторые могут быть вовсе запрещены председательствующим [37, с. 166]. Так, сомнительным является излишне эмоциональное выступление: явное стремление защитника убедить присяжных в своей правоте и использование для этого актерских приемов может иногда иметь обратный эффект [38, с. 125].

Суд присяжных – это суд фактов, а не суд эмоций, в связи с чем, излишняя театральность при отсутствии в речи реальных фактических данных навряд ли приведет к желаемому результату.

Также достаточно спорным является использование во время прений наглядных пособий: продемонстрировать защитнику, скорее всего, удастся их только в том случае, если они использовались на судебном следствии. В связи с этим адвокаты, имеющие большой опыт рассмотрения дел в суде присяжных, рекомендуют в ходе судебного следствия предлагать свидетелям начертить схемы, графики и т.д., для того чтобы в ходе прений сторон просить председательствующего продемонстрировать эти материалы [13, с. 44].

Однако есть и противоположные решения. Так, в одном из Кассационных определений Верховный Суд РФ указал: «Председательствующий обоснованно не принял возражения стороны защиты на использование государственным обвинителем при выступлении в прениях карты города Москвы, поскольку она являлась официальным изданием, а не вещественным доказательством по делу» [30].

Иногда привлекаемые предметы совершенно не связаны с выступлением в прениях, однако умелое использование защитниками знаний человеческой природы приводило к неплохим результатам.

Проиллюстрировать это можно на следующем примере С.А. Пашина: «выступая в 2007 году перед Верховным судом Дагестана с участием присяжных заседателей, адвокат М, отстаивавшая интересы обвиняемого в убийстве человека, выпустила из коробки нескольких цыплят. Подсудимый разводил птицу, и присяжные, оживившись от поднявшейся суматохи, умилившись зрелищу гуляющих в зале пушистых живых комочков, сочли обвиняемого, занятого таким добрым делом, не способным убить человека» [57, с. 395-396].

Таким образом, в определенных случаях тактические приемы могут принести защитнику пользу, однако злоупотреблять ими, создавая потенциальные основания для отмены приговора, нежелательно.

Защитнику, выступающему после прокурора, обязательно следует воспользоваться своим правом на реплику. Обратное фактически означает согласие с мнением государственного обвинителя о виновности подзащитного и тем самым ставит под сомнение позицию защиты [17, с. 196].

Защитником реплика должна быть использована по назначению: она не может выходить за рамки тех вопросов, которые повлекли реплику государственного обвинителя.

По спорным же вопросам, ставшим предметом полемики, адвокат должен привести не только аргументы, которые уже были озвучены им в защитительной речи, но и новые доводы несостоятельности позиции процессуального противника по уголовному делу [1, с. 342].

Таким образом, прения и реплики сторон – важная часть судебного разбирательства, имеющая большое значение для структурированного изложения перед присяжными позиции защиты.

Прения сторон также влияют на содержание вопросов, подлежащих разрешению присяжными. В то же время, для того чтобы выступление не поставило под сомнение стабильность вынесенного на основании вердикта присяжных приговора, защитнику следует соблюдать запреты, существующие на данном этапе.

3.2 Особенности прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних

Особую опасность в структуре преступности занимают преступления, совершаемые несовершеннолетними.

Привлекая несовершеннолетнего к уголовной ответственности, государство способствует разрешению конфликтной ситуации, которая возникает между участниками уголовно-правовых отношений, что в конечном итоге должно способствовать восстановлению и укреплению правопорядка.

Уголовная политика России базируется на основе специализированного подхода к реализации уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, совершивших преступления. Действующее отечественное законодательство включает дополнительные пункты об охране правовых интересов несовершеннолетних. Так, среди них наибольшую роль играют материальные нормы об уголовной ответственности несовершеннолетних, размещенные в отдельном разделе V Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а также нормы процессуального права, определяющие особый порядок при рассмотрении дел о нарушении закона несовершеннолетними, с учетом их правовых и возрастных ограничений: ограниченную материальную ответственность и дееспособность, обязательства родителей и опекунов защищать права и интересы детей, а также прочие. К вышеуказанным нормам относятся такие права несовершеннолетних как: привлечение к участию в уголовном деле законных представителей (ст. 48 УПК РФ),

обязательное участие защитника (ст. 51 УПК РФ) и целая глава регламентирующая производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ).

Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних влияют на содержание судебных прений. Как пишут Е.В. Брянская, Н.Э. Шишкина, «значение прений сторон по уголовным делам несовершеннолетних заключается не только в том, чтобы повлиять на внутреннее убеждение суда в свете смягчающих обстоятельств, но и доказать суду, что несовершеннолетний подсудимый сделал выводы по факту совершенного деяния [12, с. 91]. С. Ефименко в свою очередь отмечает, что «особенности рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних связаны с возрастными особенностями личности, выражающимися в незрелости и неустойчивости психики, в недостаточном самоконтроле, с особенностями восприятия окружающей действительности и отсутствием жизненного опыта, неадекватной оценкой как собственных поступков, так и поступков других лиц ... Именно этим обусловлены особенности поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях несовершеннолетних» [26, с. 19].

В этой связи в обвинительной речи по делам несовершеннолетних значительное внимание должно быть уделено характеристике личности несовершеннолетнего. Однако анализ практики показывает, что глубокое изучение обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, в ходе судебного следствия не является правилом. По делам, не представляющим в расследовании особой сложности, следователи, а в суде государственные обвинители, как правило, не стремятся к полному установлению характеризующих подозреваемых (обвиняемых) обстоятельств, условий их жизни, воспитания и т.д. Достаточно часто практические работники ограничиваются сбором и изучением сведений о судимости и характеристикой с места работы, учебы несовершеннолетнего, оставив без выяснения такие обстоятельства жизни и воспитания

несовершеннолетнего, как ранее применяемые к нему в связи с совершением правонарушения меры и характер его реагирования на них; отношение подростка к учебе или работе, предпочтения в организации досуга; наличие/отсутствие склонности к употреблению спиртных напитков и/или наркотических средств; взаимоотношения с родителями, а также достаточность и эффективность применяемых ими воспитательных мер. Между тем именно отсутствие необходимой информации об условиях жизни и воспитания подростка не позволяет суду должным образом мотивировать выбор меры наказания или ограничиться принудительными мерами воспитательного характера [42, с. 258-259].

Кроме личностных особенностей несовершеннолетнего подсудимого специфика судебного рассмотрения уголовных дел в их отношении заключается также в том, что «при совершении преступления небольшой или средней тяжести, с согласия подсудимого, его законного представителя, вместо уголовной ответственности к несовершеннолетнему могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). Возможность замены уголовного наказания мерами воспитательного воздействия при наличии указанных в ч. 1 ст. 427 УПК РФ обстоятельств обязательно должна быть исследована судом. Государственный обвинитель, усмотрев основания такой замены, не только вправе, но и обязан заявить соответствующее ходатайство» [16, с. 76].

Отмечая особенности защитительной речи по уголовным делам в отношении несовершеннолетних Л.В. Кречетова пишет: «Если вина несовершеннолетнего полностью доказана судом, защитник говорит о смягчающих и оправдывающих его обстоятельствах дела» [40, с. 74].

С.Д. Игнатов в качестве первостепенного смягчающего обстоятельства, который должен огласить защитник в своей речи, называет возраст подсудимого [27, с. 28].

Такая позиция оправдана, поскольку несовершеннолетие виновного напрямую закреплено в п. «б» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Как и государственный обвинитель, защитник должен высказать свою точку зрения о наказании несовершеннолетнего подсудимого.

В этой связи С.Д. Игнатов отмечает, что «если у адвоката сложилось мнение, что подростка можно вернуть в число полезных членов общества, то он ходатайствует о применении меры уголовно-правового воздействия, не связанной с лишением свободы, и может ходатайствовать об освобождении судом несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия» [27, с. 28]. В этой части позиция указанного автора схожа с мнением С. Ефименко, приведенным выше, на предмет содержания речи государственного обвинителя по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Далее С.Д. Игнатов указывает на то, какие конкретно принудительные меры воспитательного воздействия может назвать адвокат-защитник несовершеннолетнего исходя из положений ч. 2 ст. 90 УК РФ. Это предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего [27, с. 29].

Исходя из положений ст. 432 УПК РФ защитник может заявить ходатайство об освобождении несовершеннолетнего подсудимого не только от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, но и от наказания. Это объясняется тем, что принудительные меры воспитательного воздействия является как одним из специальных видов освобождения от уголовной ответственности, так одним из специальных видов освобождения от наказания, применяемых только к

несовершеннолетним преступникам. Это возможно по преступлениям небольшой и средней тяжести.

Альтернативным специализированным видом освобождения от наказания несовершеннолетнего является направление его в специализированное учреждение для несовершеннолетних. Это возможно, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении средней тяжести будет признано достаточным помещение несовершеннолетнего подсудимого, совершившего это преступление, в специализированное учреждение для несовершеннолетних. Суд в таком случае, постановив обвинительный приговор, освобождает несовершеннолетнего осужденного от наказания и в соответствии со ст.92 УК РФ направляет его в указанное учреждение на срок до наступления совершеннолетия, но не более трех лет (ч. 1 и 2 ст. 432 УПК РФ). Учитывая изложенное, «в прениях сторон адвокат обращает внимание суда на индивидуальность подхода к определению вида и размера наказания» несовершеннолетнему подсудимому.

Важно подчеркнуть, что специфика защитительной речи по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, также заключается в наличии в ней воспитательного компонента. Это не означает, что несовершеннолетнему подсудимому должны читаться нотации и нравоучения, тем более унижающие его. Основной акцент должен быть сделан на дачу рекомендаций, тактичных советов, способствующих формированию правильных выводов по факту содеянного преступления [12, с. 92].

Немаловажная роль в судебных прениях по уголовным делам в отношении несовершеннолетних принадлежит законным представителям.

Ст. 48 УПК РФ относит законного представителя несовершеннолетнего подсудимого к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты. Чаще всего в качестве законных представителей несовершеннолетнего привлекаются их родители. Из анализа уголовного законодательства следует, что на законных представителей несовершеннолетнего может быть возложен ряд обязательств, связанных с

назначением наказания, освобождением от уголовной ответственности и наказания. Так, согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ, наказание в виде штрафа, назначенное несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

Одним из видов принудительных меры воспитательного воздействия, применяемой как освобождение от ответственности или наказания, является передача несовершеннолетнего под надзор родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего (п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ) [83].

Передача под надзор состоит в возложении на родителей или иных законных представителей обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением.

Таким образом, выступая в судебных прениях, законный представитель может: предложить назначить осужденному штраф (если данный вид наказания предусмотрен в санкции статьи УК РФ, по которой подсудимый привлечен к ответственности) с возложением выплаты штрафа на него. согласиться с предложением государственного обвинителя и (или) защитника назначить подсудимому штраф, заявив о своем желании его заплатить; предложить освободить подсудимого от уголовной ответственности или наказания с применением к тому принудительных мер воспитательного воздействия, пообещав добросовестно исполнять обязанности по воспитанию несовершеннолетнего и осуществлению надлежащего контроля за его поведением; согласиться с предложением государственного обвинителя и (или) защитника об освобождении подсудимого от уголовной ответственности или наказания с применением к тому принудительных мер воспитательного воздействия.

Выводы по Главе 3.

Прения и реплики сторон – важная часть судебного разбирательства, имеющая большое значение для структурированного изложения перед присяжными позиции защиты.

Прения сторон также влияют на содержание вопросов, подлежащих разрешению присяжными. В то же время, для того чтобы выступление не поставило под сомнение стабильность вынесенного на основании вердикта присяжных приговора, защитнику следует соблюдать запреты, существующие на данном этапе.

В обвинительной речи по делам несовершеннолетних значительное внимание должно быть уделено характеристике личности несовершеннолетнего. Специфика защитительной речи по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, также заключается в наличии в ней воспитательного компонента.

Заключение

По итогу проделанной работы можно констатировать факт, что все задачи и цели настоящего исследования были достигнуты и выполнены.

Анализ законодательства, монографической и учебной литературы позволяет сделать следующие выводы:

По общему правилу судебные прения являются логическим завершением процесс судебного исследования доказательств по уголовным делам. Исключения составляют судебные разбирательства в особом порядке по правилам глав 40 и 40.1 УПК РФ, в которых не проводится исследование доказательств по уголовным делам и ориентир сделан на определение меры наказания.

Государственный обвинитель и защитник – это основные, главные, участники судебных прений.

При этом, отказ от участия в судебных прениях государственного обвинителя по сути является отказом от обвинения, а отказ защитника от участия в судебных прениях – это существенное нарушение прав подсудимого.

За неисполнение своих профессиональных обязанностей государственный обвинитель и защитник должны нести дисциплинарную ответственность.

В силу того, что государственный обвинитель – это обязательный участник судебных прений, поддерживающий обвинение от имени государства, к содержанию его речи предъявляются повышенные требования. В ней должен даваться четкий ответ на вопросы, составляющие предмет прений с учетом фактических обстоятельств уголовного дела.

Несмотря на видимую структурную схожесть обвинительной и защитительной речи, по содержанию они отличаются.

Задача защитника - максимально полно и творчески использовать предоставленные ему полномочия по оказанию юридической помощи для обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов подсудимого.

Содержанию судебной речи подсудимого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца и ответчика, не предъявляются столь повышенные требования как к речи государственного обвинителя и защитника.

Однако речь указанных участников ограничена обстоятельствами, имеющими отношение к уголовному делу и (или) имущественными интересами.

Прения и реплики сторон – важная часть судебного разбирательства, имеющая большое значение для структурированного изложения перед присяжными позиции защиты.

Прения сторон также влияют на содержание вопросов, подлежащих разрешению присяжными.

В то же время, для того чтобы выступление не поставило под сомнение стабильность вынесенного на основании вердикта присяжных приговора, защитнику следует соблюдать запреты, существующие на данном этапе.

В обвинительной речи по делам несовершеннолетних значительное внимание должно быть уделено характеристике личности несовершеннолетнего. Специфика защитительной речи по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, также заключается в наличии в ней воспитательного компонента.

Кроме того был выявлен ряд проблем, с внесением предложений по их устранению:

Во-первых, в результате анализа положений ст. ст. 292, 293, 316, 317 УПК РФ сделан вывод о противоречии указанных норм в части включения в состав прений реплик сторон.

Вследствие отсутствия в ст. 292 УПК РФ права законного представителя на участие в судебных прениях, это вызывает ошибки в правоприменительной практике.

В этой связи внесено предложение об изменении ст. ст. 292, 293 УПК РФ.

Во-вторых, в п. 15 ч. 4 ст. 44 УПК РФ прописано, что гражданский истец выступает в судебных прениях для обоснования гражданского иска. В п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ законодатель указал, что гражданский ответчик вправе «выступать в судебных прениях».

Таким образом, исходя из указанных выше положений УПК РФ, гражданский истец и ответчик занимают неравное положение в части реализации своего права на участие в судебных прениях. Полномочия гражданского ответчика шире.

Для устранения данной коллизии предлагаем п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ изложить в следующей редакции: «выступать в судебных прениях для обоснования позиции по предъявленному гражданскому иску»

Список используемой литературы и используемых источников

1. Адвокатура в России: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Сергеева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2019. 548 с.
2. Алексеев Н.С, Макарова З.В. Ораторское искусство в суде - Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 175 с.
3. Апелляционное определение ВС РФ от 05.02.2015 г. по делу № 41-АПУ14-54СП // Консультант плюс: справочно-правовая система.
4. Апелляционное определение от 20.12.2016г. по делу № 84-АПУ16-13сп [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Апелляционное определение от 12.07.2018г. по делу № 75-АПУ18-3сп // Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Апелляционное определение ВС РФ от 21.08.2018г. по делу № 33-АПУ18-10СП // Консультант плюс: справочно-правовая система.
7. Барабаш А.С. Публичное начало уголовного процесса: науч. изд. СПб.: изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 424 с.
8. Бахта А.С. О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 45-46.
9. Бозров В.М., Ергашев Е.Р. О культуре процессуальной деятельности суда и прокурора при рассмотрении уголовного дела по существу // Вестник университета прокуратуры РФ. 2019. № 3 (71). С.10-18.
10. Бозров В.М., Попова Е.В. Отказ прокурора от обвинения // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 6. С.46-52.
11. Брянская Е.В. Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: монография. Иркутск: изд-во ИГУ, 2015. 93 с.
12. Брянская Е.В., Шишкина Н.Э. Воспитательное значение речи защитника в прениях сторон по уголовным делам в отношении

несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2 (81). С. 90-94.

13. Булгакова Ю.С. Вопросы реализации права подсудимого на защиту в судебном заседании на стадии прений сторон // Судья. 2014. № 10. С. 43-47

14. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов: учеб. пособие. 7-е изд. Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. 568 с.

15. Владыкина Т.А. Уголовно-процессуальные и этические аспекты вступительного заявления защитника в судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 29-34.

16. Воеводина Т.Г. Применение прокурором психологических знаний при поддержании в суде государственного обвинения по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 76-79.

17. Воскобитова Л.А. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Под ред.: Воскобитова Л.А., Лукьянова И.Н., Михайлова Л.П. М. : Волтерс Клувер, 2006. 592 с.

18. Выступление адвоката в прениях по части 1 статьи 139 УК РФ [Электронный ресурс]: URL: // <https://адвокат-юрист.com/> (дата обращения: 02.06.2020г.).

19. Гареева Э. Р. Прения сторон в судебном разбирательстве дел о групповом преступлении несовершеннолетних // Вестн. Удмурт. ун-та. 2014. Т. 24, вып. 4. С. 128-131.

20. Желтобрюхов С.П. Прения сторон и последнее слово подсудимого // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 30-34.

21. Жеребятьев И.В. Некоторые проблемные вопросы рассмотрения уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства // Российский судья. 2006. № 5. С. 14-17.

22. Загорский Г.И. Развитие уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // Судья. 2017. № 4. С. 15-19.

23. Зуев Ю.Г. Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей: курс лекций. М. : Проспект, 2018. 168 с.

24. Зяблина М.В. Конституционное право на защиту в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 31-33.

25. Ершова Г.В. К вопросу об участии несовершеннолетнего подсудимого и его законного представителя в судебных прениях // в сборнике: «Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб. 2019. С. 126-129.

26. Ефименко С. Преступление несовершеннолетних: поддержание обвинения // Законность. 2006. № 5. С. 19-21.

27. Игнатов С.Д. Особенности процессуальной деятельности адвоката-защитника по делу несовершеннолетнего подсудимого в суде первой инстанции // Адвокатская практика. 2003. № 4. С. 27-31.

28. Информационное письмо Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия от 13.02.2004г. № 33 «Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия за 2003 год» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

29. Кассационное определение ВС РФ от 25.05.2005 г. № 81-о05-32 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

30. Кассационное определение ВС РФ от 22.05.2008г. по делу № 5-о08-102сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 3.

31. Кисленко С.Л. Криминалистические основы участия государственного обвинителя в прениях сторон по уголовным делам // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 84-89.

32. Кобзарь В. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве. М. : Олма-пресс, 2002. 352 с.

33. Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2.

34. Колесник А.О. Значение судебных прений в публичном уголовном процессе // Студенческий: электрон. научн. журн. 2019. № 38(82). С. 55-56.

35. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Агутин, А.С. Александров, Л.Б. Алексеева и др.; под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.

36. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. В.Т. Томина, М.П. Полякова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 1087 с.

37. Конин В.В. Процессуальные и тактические аспекты деятельности защитника в состязательном процессе. М. : Юрлитинформ, 2009. 200 с.

38. Конин В.В. Реализация функции защиты в суде с участием присяжных заседателей. М. : Юрлитинформ, 2010. 152 с.

39. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием. 12.12.1993.

40. Кречетова Л.В. Защитник в уголовном процессе. Оренбург, 2000. 104 с.

41. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. Самара : изд-во «Самарский университет», 2010. 223 с.

42. Лазарева В.А., Шестакова Л.А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. пособие. Самара: изд-во Самарского университета, 2018. 336 с.

43. Маслова М.В. Речь защитника в прениях и репликах сторон // Адвокатская практика. 2016. № 2. С. 23-28.

44. Мельник В. В. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие / В.В. Мельник, И. Л. Трунов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : изд-во Юрайт, 2018. 486 с.

45. Мингалимова М.Ф. Учет мнения потерпевшего при назначении наказания // Вестник казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). 279-283.

46. Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / отв. ред. О. П. Темушкин. М. : Наука, 1987. 239 с.

47. Насонов С.А. Особенности уголовной защиты в суде присяжных: процессуальные возможности и запреты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 1. С.68-70.

48. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин и др.; под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2007. 1158 с.

49. Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Приморского краевого суда за 2012 год [Электронный ресурс]: URL: // <http://kraevoy.prm.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.06.2020г.).

50. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 8.

51. Обзор судебной практики по результатам изучения рассмотренных в 2014 году судами Нижегородской области в порядке главы 50 УПК РФ уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними // Консультант плюс: справочно-правовая система.

52. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 30 ноября 2006 г. по делу № 1-50/2005 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

53. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016г. № 457-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Татьяны Анатольевны, Васильева Алексея Анатольевича и Васильевой Алевтины Леонидовны на нарушение их конституционных прав частью

третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. №6.

54. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017г. № 2873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

55. Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. М. : РГУП, 2017. 444 с.

56. Пашин С.А. Психология судебных прений // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 15-18.

57. Пашин С.А. Становление правосудия - М. : Р. Валент, 2011. 456 с.

58. Пашин С. А. Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу: автореф. дисс. .канд. юр. наук. М.,1988. 20 с.-

59. Петракова М.С. Проблемы реализации основных положений презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого // Право: история, теория, практика : материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2019 г.). СПб. : Свое издательство, 2019. С. 22-26.

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999г. №1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 2.

61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. №5.

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. №9.

65. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

68. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

69. Потапова Л.А. Защитительная речь адвоката в отечественном уголовном процессе: дис. ... кан юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 209 с.

70. Приказ Генпрокуратуры России от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

71. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов, В.В. Дорошков и др.; под общ. ред. В.М. Лебедева. М. : Норма, 2011. 512 с.

72. Разъяснение Экспертно-методической комиссии Совета ФПА РФ в связи со случаями невыполнения адвокатами-защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающими права доверителей на защиту от 23.03.2011 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов. 2011. № 2.

73. Речь государственного обвинителя на процессе по делу Александра Копцева [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/> (дата обращения: 25.05.2020).

74. Речь государственного обвинителя – прокурора Республики Татарстан И.С.Нафикова по делу об убийстве Елесина [Электронный ресурс]: URL: <http://old.prokrt.ru/main/news3/speaker/> (дата обращения: 25.05.2020).

75. Речь подсудимого: образец. Последнее слово подсудимого в уголовном процессе [Электронный ресурс]: URL: // <https://businessman.ru/> (дата обращения: 25.05.2020).

76. Родионова М.В. Речь прокурора с участием присяжных заседателей // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности на национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. Краснодар. С. 279-282

77. Скворцов Д. Д. Поддержание государственного обвинения в суде присяжных // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2010. № 1. С. 129-135.

78. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М : Норма : ИНФРА-М, 2019. 752 с.

79. Смирнова С. А. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении дела в суде первой инстанции // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10-3 (17) С. 107-109.

80. Сухова О.А. Прения сторон в суде присяжных и особенности участия в них адвоката-защитника // Материалы научной конференции. В 3-х частях. Ответственный за выпуск П.В. Сенин. 2018. Саранск. С. 240-251.

81. Треушников М. К. Судебные доказательства : монография. М. : Городец, 1997. 320 с.

82. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

83. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

84. Уголовный процесс: учебник для вузов / Л.К. Айвар, Н.Н. Ахтырская, Э.И. Бордиловский и др.; под ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. 784 с.

85. Уголовный процесс: учебник / Под ред.: М.А. Чельцов. М. : Юрид. лит., 1969. 463 с.

86. Уголовный процесс: учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2000. 736 с.

87. Федеральный закон от 17.01.1992г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

88. Федеральный закон от 31.05.2002г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

89. Федяков Н.Н. Особенности участия группы прокуроров в прениях сторон // Российский судья. 2018. № 11. С. 24-27.

90. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное / Орд. проф. С.-Петербур. ун-та [Электронный ресурс]: URL:

<http://www.allpravo.ru/library/doc1897p/instrum2050/> (дата обращения: 25.05.2020).

91. Шиханцов Г. Г. Юридическая психология. М. : Зерцало, 2006. 352 с.

92. Burnham W. Introduction to the law and legal system of the United States. St. Paul, Min, 1995. 567 p.

93. Evans, K. Advocacy in Court: a Beginner's Guide. London: Oxford University Press, 1995. 206 p.

94. Zedner L. Criminal justice. Oxford University Press, 2004. 319 p.

95. Israel H.J., LaFave R.W. Criminal Procedure: Constitutional Limitations. St. Paul, 1988. P. 444-445.

96. Quick O. Prosecuting «Gross» Medical Negligence: Manslaughter, Discretion, and the Crown Prosecution Service // J. Law Soc. 2006 (September). V. 33. №3. 3. P. 421-450.

97. Rossman D. Criminal Law Advocacy. Guilty Pleas. V. 2. New York, 1984. P. 8-25.